

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 27

34/05
5391
46
-52

С приложением „Судебная практика“.

15 Июля 1929 года

Пятилетний план подготовки кадров судебно-прокурорских работников.

Мы уже остановились на страницах «ЕСЮ» на вопросах подготовки резерва и переподготовки кадров судебных работников в связи с разработкой пятилетки по укомплектованию личного состава органов НКЮ («ЕСЮ» № 1). 30 мая 1929 г. на Коллегии НКЮ был рассмотрен и утвержден 5-летний план укомплектования судебно-следственной и прокурорской сети.

В настоящей статье мы имеем в виду осветить актуальные вопросы пятилетки для того, чтобы подготовить места к проведению пятилетнего плана. Глубокое изучение личного состава ответственных работников НКЮ нам показывает, что первоочередной задачей в деле укрепления нашего аппарата и поднятия качества его работы в данное время является подготовка резерва из рабочих и крестьян для судебно-прокурорской работы и переподготовка судебно-прокурорских работников, при чем разрешение этих двух задач должно идти по линии орабочения судебно-прокурорского аппарата и поднятия квалификации работников.

В настоящее время состояние личного состава таково. Из общего числа 8.577 ответственных работников, работающих в системе НКЮ по РСФСР, рабочих—33%, крестьян—22% или рабоче-крестьянская прослойка—55%. С юридическим образованием—23%, при чем сюда относятся окончившие областные и краткосрочные юридические курсы. За вычетом их с высшим юридическим образованием мы имеем 500 человек. Текущая в составе ответственных работников в среднем 22%, или, иными словами, 1911 человек ежегодно из числа 8570 уходит из судебно-прокурорского аппарата. Совершенно незначительна прослойка женщин: в областных объединениях ниже 1%, а в общей сложности—6%. Членов ВКП (б)—80% общего числа ответственных работников. К этому нужно добавить, что резерв у нас вообще отсутствует, если не считать отдельных районов, где имеется 10—15 человек, взятых на учет из актива нарзаседателей и общественных обвинителей, которыми эти районы располагают как резервом на низшую судебную и прокурорскую работу. Отсюда видно поэтому, насколько велико значение намеченных мероприятий по пятилетке в деле подготовки резерва переподготовки основных кадров работников юстиции и в частности в деле подготовки резерва.

бочей прослойки в нашем аппарате и изжития текучести в личном составе.

Мы впервые беремся за организованное разрешение вопроса укомплектования личного состава и за дело переподготовки наших работников. Поэтому мы прекрасно учитываем все трудности, которые встретятся на нашем пути при проведении пятилетки, но вместе с тем мы отмечаем, что у нас достаточно сил, способов и средств для выполнения поставленных перед нами пятилетней задачей. Не случайно в отдельных районах Республики по инициативе местных судебных работников проводится уже в жизнь подготовка резерва, ибо имеющаяся налицо текучесть личного состава—по сети нарсудов—24%, нарследователей—23%, судисполнителей—32% и в средних и высших звеньях (хотя гораздо меньший процент текучести, но относительно большой)—14%, тормозит, дезорганизует основную нашу работу по укреплению судебно-прокурорского аппарата. Мы хорошо знаем, что построить хорошо и четко работающий судебно-прокурорский аппарат при средней текучести в 22% ответственных работников безусловно нельзя, тем более, что при этой текучести, как правило, уходящие работники заменяются людьми непроверенными, почти вовсе неподготовленными для выполнения поручаемой им работы. Вот почему мы часто толчемся на месте и почти не двигаемся вперед в деле улучшения нашего судебно-прокурорского аппарата.

А между тем жизнь выдвигает перед нами крупнейшие проблемы, разрешение которых в первую очередь зависит от соответствующего подбора судебно-прокурорских работников и их подготовки. Отсюда следует, что с текучестью личного состава мы должны покончить, идя неуклонно по линии подготовки резервов судебно-прокурорских работников. Для этого необходимо, что и предусматривает пятилетка, поставить теперь же перед областными исполнительными комитетами и оргкомитетами (новых областей) вопрос об организации в городах вечерних курсов с годичной программой. Эта сеть вечерних курсов намечена с учетом действительной потребности в резерве по замещению судебных исполнителей, народных судей и частично нарследователей—и текучести их состава.

Мы уже отмечали раньше, что прием на вечерние годовичные курсы должен производиться особо тщательно, при чем приниматься должны по преимуществу товарищи из рабочей среды, из актива народных заседателей, общественных обвинителей, работников товарищеских судов и членов горсоветов. Конечно, принимать на эти курсы предполагается только желающих работать в органах НКЮ. Отобранные кандидаты должны быть пропущены через специальные комиссии, состоящие из представителей местных партийных и профессиональных организаций. Дело учебы на вечерних курсах должно быть организовано таким образом, чтобы в течение года была пройдена намеченная программа занятий, но без чрезмерной нагрузки слушателей, что могло бы их оторвать от партийной и общественной работы. По примеру Москвы мы рекомендуем поставить перед надлежащими органами вопрос о том, чтобы учеба на этих курсах засчитывалась для членов партии, как партнагрузка. Необходимо обратить особое внимание на подбор преподавателей на этих курсах. В качестве преподавателей должны быть намечены такие товарищи, которые наилучшим образом могли бы подготовить слушателей к выполнению самостоятельной работы в низовых звеньях советского аппарата.

Эту закладку первого камня большого здания будущей нашей работы по подбору личного состава из числа рабочих мы должны закончить к 1 окт. 1929 г. Этот срок установлен постановлением Коллегии НКЮ. Вот почему сейчас же мы должны взяться за проработку этого вопроса.

Вторым по значению является вопрос переподготовки нарсудей и нарследователей. Для разрешения этой задачи постановление Коллегии обязывает председателей областных и краевых судов в самом срочном порядке поставить перед край-обл. исполкомами и орг. комитетами вопрос об открытии постоянно действующих ежемесячных курсов по переподготовке нарсудей и нарследователей с тем, чтобы эти курсы открылись также с 1 окт. 1929 г. В областных центрах организуются пятимесячные курсы, которые при правильной организации будут иметь громадное значение для дела повышения квалификации нарсудей. Двухгодичный опыт работы московских курсов по переподготовке нарсудей, хотя и с меньшим сроком—в полтора-два месяца—нам показал, что товарищи, прошедшие через курсы по переподготовке, безусловно повышали свою квалификацию и приобретали знания в основных вопросах марксистской теории права. Это облегчало их работу и давало возможность на работе расти и шаг за шагом улучшать качество работы нарсуда. Пятимесячная программа организуемых областных курсов рассчитана на большую подготовку нарсуды, на такую подготовку, которая даст ему возможность получить не меньше знаний, если не больше, чем он их получал на годовичных курсах (так составлена программа).

Само собой понятно, что президиумы областных и краевых судов должны уделять максимум внимания работе пятимесячных курсов по переподготовке, и что преподаватели этих курсов должны быть особенно тщательно подобраны. Серьезное внимание должно быть уделено методам преподавания. Областные курсы по переподготовке и вечерние годовичные курсы по предусмотренному о них положению целиком и полностью находятся в ведении краевых и областных судов. За

постановку их работы целиком ответствен председатели суда. Таким образом, созданный институт по подготовке резерва и переподготовке судебных работников, нар. судей находится в системе суда, который и несет ответственность за это дело, за те или другие недочеты в этой работе.

Что касается вопроса переподготовки основных кадров руководящих работников, а именно группы, определенной пятилеткой в количестве 692 человек—председателей обл. судов, членов обл. судов и председателей окр. судов, обл. прокуроров, камерн. прокуроров, областной прокуратуры и окружного прокурора, то здесь дело у нас обстоит весьма благополучно. Во время каждого созыва через ВЮК из числа этой группы будет проходить 128 человек. Поскольку текучесть личного состава этой группы незначительна, можно думать, что в течение пяти лет через ВЮК пройдет вся эта группа. В связи с общей постановкой в пятилетке вопроса о подготовке и переподготовке личного состава и создания резерва, программа ВЮК изменена: усилены общественные дисциплины и сохранено соотношение теоретических дисциплин по праву. В общем объем программы в основном равняется программе высшего учебного заведения по правовому факультету.

Мы должны здесь же предварить судебно-прокурорских работников о том, что разработанная пятилетка составлена на основе реально-выполнимых данных.

Каков же итог пятилетки? Прежде всего, рабочая прослойка увеличится и составит 62% общего числа ответственных работников в 8.577 (сейчас она равна 33%, крестьян 25%, итого рабоче-крестьянская прослойка—58%), чл. ВКП (б) будет 83%, женщин—19% (сейчас 6%). Лиц с юридическим образованием будет 72%, сейчас 23%, по первой группе из 692 человек—94%, по окружным звеньям с юридическим образованием будет 65% общего штатного числа ответственных работников, по нарсуду и следственному аппарату с высшим юридическим образованием и прошедших через областные юридические курсы будет 71%, в том числе с высшим образованием 30%. Текучесть будет снижена до 11% в среднем. Всего будет кинуто от стапка рабочих на судебную работу и продвинуто в порядке продвижения свыше 2.000 чел.

Эти цифры показывают, какая большая работа предстоит нам в ближайшее пятилетие в деле улучшения наших кадров и общей нашей работы. Мы здесь должны поставить вопрос о коренном изменении методов работы учраспреда. НКЮ предполагает в связи с пятилеткой провести такие мероприятия—ограничить номенклатуру ответственных работников центрального аппарата НКЮ—членами Верховного суда, прокурорами при НКЮ, консультантами, инструкторами, а работников периферии—председателями крайсудов, прокурорами, их заместителями, старшими пом. прокурора, членами краевых и обл. судов, пом. прокурора областных камер, председателями окружных судов и окружными прокурорами. НКЮ будет подбирать только эти категории работников, учитывать качество их работы и нести за их подбор полную ответственность.

Отсюда напрашивается сам собой вопрос об установлении номенклатуры областных и краевых объединений. По нашему мнению, эта номенклатура должна охватывать заместителей председателей окрсудов, членов крайсудов, заместителей окружных прокуро-

ров, пом. прокуроров и старших следователей, при чем ответственность за подбор со всеми вытекающими отсюда последствиями должна быть возложена персонально на одного из заместителей председателей краевых судов и краевых прокуроров. На этих же заместителей должна быть возложена и вся работа по постановке дела подбора личного состава на своей периферии в области, дело подготовки резерва и создания кадров для резерва. Словом, вопрос подбора и укомплектования личного состава будет мерилем и показателем того, насколько тот или другой руководитель краевого или областного объединения в состоянии выполнять директивы партии и правительства по вопросу об улучшении нашего аппарата.

Что касается номенклатуры окружных объединений, то здесь для установления правильного подбора работников мы считаем необходимым прежде всего устранить возможность случайного подбора работников аппарата, что сейчас широко практикуется, благодаря чему у нас увеличивается текучесть и не понижается преступность среди судебных работников. В связи с этим необходимо возложить на окружные объединения ответственность за подбор ответственных работников своей периферии. Исходя из этого, нами намечается следующая окружная номенклатура: по суду—нар. судьи, нотариусы, суд. исполнители и секретари участков; по линии окр. прокуратуры—нар. следователи, пом. районных прокуроров и секретари камерных прокуроров. Как в окружном, так и областном объединении по номенклатурным должностям должен вестись качественный учет ответственных работников согласно требований НКЮ. Этот качественный учет должен охватывать данные о практической оперативной работе работника, его общественной работе, степени общеправовой и политической подготовки, соответствии занимаемой должности, при чем качественный учет должен быть организован таким образом, чтобы он давал возможность периодически делать выводы о продвижении и о надобности той или иной подготовки.

Конечно, само собой понятно, что наряду с этим учетом мы должны организовать учет актива, выращиваемого нами в юридических бюро и базах по работе с нарзаседателями, из числа членов административно-правовых секций, заседателей и общественных обвинителей. Учет этот должен быть поставлен таким образом, чтобы мы располагали этим активом, как резервом при проведении намеченного пятилетнего плана и по пополнению резерва новыми силами за счет рабочих.

Такая постановка работы по подбору личного состава, подготовке резерва и переподготовке основных кадров органов НКЮ коренным образом изменит методы нашей работы в этом отношении и позволит нам непрерывно, систематически улучшать социальный состав и качество работы работников нашего аппарата. Мы решительно настаиваем на проведении этих подготовительных мероприятий, дабы места не были захвачены врасплох при изменении всего порядка работы подбора личного состава, который предполагается ввести не позднее 1 окт. 1929 г.

Далее пятилетней разработан вопрос о методах подбора на судебно-прокурорскую работу. В этом вопросе пятилетней твердо взята установка на постепен-

ное и последовательное выращивание кадров судебно-прокурорск. работников. В частности, устанавливается, что лица, окончившие юридические вечерние курсы и прошедшие через специальные комиссии, при выпуске направляются на работу в качестве судебных исполнителей, через ½—1 год те из них, которые на практической работе себя оправдают и будут дополнительно проверены в смысле соответствия их судебной работе, продвигаются на работу нарсудей и нарследователей.

Что же касается областных юридических курсов по переподготовке, то на эти курсы могут быть посланы только те, кто проработал в качестве нарсудьи или нарследователя не менее года. Это сделано для того, чтобы не тратить непроизводительно средств и времени от работы, на замену его потребуются дополнительные средства), а главным образом, для того, чтобы быть уверенным, что товарищ, посланный на курсы по переподготовке, по окончании их останется в нашей системе и что мы тем самым сможем использовать его опыт и полученные им знания.

Точно также НКЮ договорился с органами Наркомпроса о том, что оканчивающие высшие учебные заведения,—а кончающих вузы по РСФСР будет ежегодно 500 чел.—по преимуществу из рабочих и крестьян, как правило, будут направляться на работу в качестве судебных исполнителей, секретарей судебных участков, секретарей камерн. прокуроров. По истечении полугодия—года их будут продвигать на должности нарсудей, нарследователей или пом. камерн. прокуроров, откуда после работы не менее чем в течение года, в зависимости от личных качеств работника, в обязательном порядке производится продвижение дальше.

Эта система позволит изжить ту неравномерность, которая до сих пор у нас была в вопросе распределения подготовленных в правовом отношении лиц. Как правило, мы мало-мальски подготовленных в правовом отношении людей посылали в областные краевые центры и очень редко—в окружные. Низовая же сеть судебно-прокурорской периферии была совсем забыта, несмотря на то, что вся основная работа в системе судебных органов и прокурорского надзора лежит на плечах низовой сети.

Для нас особенно важно решительное проведение этих мероприятий именно теперь, когда мы будем последовательно перелажать центр тяжести всей оперативной работы на народные суды и на участки районной прокуратуры за счет разгрузки окружных объединений и даже областных центров.

С другой стороны, эта система дает возможность правильно использовать подготовленные силы. В областном центре окончившие ВЮК должны использоваться в качестве преподавателей на курсах по переподготовке и на вечерних курсах. Знаниям окончивших вечерние курсы и ВУЗ'ы мы должны найти применение в работе с народными заседателями, общественными обвинителями и в деле пропаганды права,—не говоря уже о том, что в низовом звене товарищ, окончивший университет и получивший специальную правовую подготовку, может оказать большую помощь низовому работнику, не имеющему этой подготовки.

Ограничиваясь изложением только основных положений пятилетки, мы в данной статье не ставили себе целью подробного изложения всех намеченных ею мероприятий. В этом нет никакой надобности, т. к. воз-

можность широкого ознакомления с данными пятилетки со стороны НКЮ будет предоставлена местам и пятилетка будет разослана на периферию.

В заключение отметим, что основные положения пятилетки дают нам возможность: 1) правильно поставить и практически решить вопрос подготовки резерва и кадров резерва; 2) правильно поставить и практически разрешить вопрос о подготовке нарсудей и нарзаседателей; 3) разрешить вопрос о переподготовке руководящего состава; 4) изменить систему подбора личного состава в смысле действительного приближения системы органов НКЮ к органическому выдвижению из рабочих и трудящихся и обеспечить правильное продвижение основных кадров работников нашей системы, и 5) изжить текущее, как основное зло, ме-

шающее нам улучшать наш судебно-прокурорский аппарат, главным образом, его низовую периферию.

Таким образом, 30 мая в Коллегии НКЮ разрешен имеющий большое значение вопрос судебного строительства. Выполнение этой задачи несомненно поднимет авторитет органов НКЮ на местах, органически свяжет суд и прокуратуру с широкими массами трудящихся и безусловно улучшит наш аппарат и поднимет качество его работы.

К выполнению этого большого и серьезного мероприятия мы призываем всех судебно-прокурорских работников и нашу общественность.

Вопрос этот заслуживает особенного внимания именно теперь при проведении лозунга социалистического соревнования.

А. Стельмахович.

Памяти Г. В. БЕЛЯКОВА.

В Ленинграде умер зампред Ленинградского облсуда тов. Г. В. Беляков. Еще недавно, на VI съезде деятелей юстиции, мы все слышали выступление тов. Белякова, правда, уже больного, но все таки считавшего себя обязанным выступить со своей особой точкой зрения по докладу тов. Крыленко, ибо он не соглашался с большинством. Иначе тов. Беляков поступить не мог, ибо интересы дела, борьба за правильное разрешение вопроса у него всегда шли впереди всего, и он считал себя обязанным, не взирая на свое критическое состояние, высказать съезду свои сомнения по такому важному вопросу, как реформа УК.

Тов. Беляков на работе горел, отдавая ей всем своим существом. Он жил только работой, подчиняя все интересам рабочего класса и партии; для личной жизни у него времени не было.

Тов. Беляков прошел суровую школу жизни. 13 лет от роду, гоимый нуждой, он попал в Питер. Здесь он начал свою трудовую жизнь учеником-водопроводчиком, затем работал слесарем, потом плотником на ж. дороге и т. д.

Не раз он испытывал голод и холод и ночевал под мостом, где придется. Царское правительство тоже не оставляло его без внимания и подвергало его всяческим преследованиям. И, конечно, к началу революции силы его были подорваны, организм ослаблен. И поэтому неудивительно, что молодой сравнительно организм (ему было всего 37 лет) такого напряжения не выдержал и тов. Беляков так рано ушел от нас. В октябрьские дни Беляков с виштовкой

в руках, в красногвардейских отрядах, дерется за советскую власть.

Затем он член ревкома на транспорте, далее он занимает ряд других ответственных должностей и все время усиленная работа в районном железнодорожном парткоме.

В 1920 г. тов. Беляков выдвигается на работу в военноревол. железнодорожный трибунал. Эта работа вполне соответствовала его личным качествам и способностям.

Очень требовательный к себе и другим, исключительно справедливый, спокойный и классово-выдержанный, а по существу своему добрый и отзывчивый человек, таков облик этого пролетарского судьи.

Т. Беляков сумел очень быстро завоевать себе большой авторитет среди судебных работников. Приговоры, написанные Беляковым, отличались своим продуманным классовым подходом, четкостью и ясностью формулировки и проведением правильной судебной политики. Но тов. Беляков не был из тех людей, которые умеют отдыхать и почитать на лаврах. Несмотря на громадную работу, он все время усиленно повышал свою квалификацию и заметно рос на наших глазах. Тов. Белякову удалось не только постигнуть в совершенства все премудрости советской юриспруденции, но и пополнить пробелы своего образования до такого уровня, что многие окончившие вузы могли ему только позавидовать. Тов. Белякову последние годы читает уже лекции и ведет занятия на юридических курсах, в Криминологическом кабинете, пишет правовые статьи в общей и специальной печати (в частности в ЕСЮ).

В личной жизни тов. Беляков был исключительно хорошим товарищем всегда готовым помочь словом делом.

Но плохо приходилось всем тем товарищам, которые недостаточно серьезно и честно относились к своим обязанностям—лодырничали или фальшивили. Их тов. Беляков немилосердно разоблачал и решительно с ними боролся.

Эти люди его очень боялись, ибо в борьбе за правду он ни с чем и ни с кем не считался. Но зато все лучшие и честные его горячо любили и поддерживали.

Говоря о т. Белякове, следует отметить его исключительную любовь к детям, с которыми этот почти всегда серьезный, редко улыбающийся человек, мог резвиться и играть часами. Это очень характерно для таких людей, как тов. Беляков.

Партия ВКП(б) в его лице потеряла одного из вернейших солдат.

Надо вспомнить тов. Белякова в дни Ленинградской оппозиции. Когда только выяснилось что в Ленинграде товарищи пошли против генеральной линии партии, тов. Беляков один из первых ринулся в бой и вел жестокую борьбу с оппозиционерами, кто бы они ни были. Среди оппозиционеров были его близкие друзья, но он резко требовал от них отмежевания или же борьбы до конца...

Тов. Белякова похоронили в Ленинграде при огромном стечении трудящихся на Коммунистической площадке б. Александровской лавры. На траурном шествии было много речей, говорили представители НКЮ и Верхсуда, Ленинградского областного Комитета ВКП(б) и областного исполкома и ряда других организаций. Но центральным моментом явилось выступление представителя комсомола, который заявил, что он ставит себе задачей продолжать дело т. Белякова. И правда, лучшим примером стойкого борца и судьи для нашего молодого поколения является жизнь и работа тов. Белякова. Пусть наша молодежь старается быть похожей на таких борцов, каким был тов. Беляков.

Контроль за исполнением законов.

...«Усилить, согласно неоднократным указаниям Ленина и Ленинской партии, проверку исполнения советских законов, обеспечив с помощью рабочих и крестьян массовую проверку проведения в жизнь всех важнейших мероприятий правительства и установив строжайшую ответственность лиц и органов, виновных в задержке и невыполнении законов правительства».

(Резолюция XV с'езда ВКП(б)).

«Установление систематической проверки исполнения и соблюдения революционной законности должно явиться важнейшей задачей всех партийных, хозяйственных и советских органов на всех ступенях»...

(Резолюция XVI Всесоюзной конференции ВКП(б)).

Исполнение директивы XV с'езда о наблюдении за выполнением законов возложено было на органы РКИ.

Но прокуратура уже по природе своей, как непосредственный проводник ревзаконности, также должна была эти директивы с'езда проводить в жизнь. Поэтому 3-е совещание прокуратуры по докладу об общем надзоре в деревне и городе предложило прокурорским работникам проводить в жизнь эту ответственную директиву, указав и методы ее проведения. Для достижения наибольших результатов в этой работе рекомендовалась «теснейшая увязка прокуратуры с организованной общественностью (правовые секции горсоветов и комиссии волисполкомов и райисполкомов) и органами РКИ, совместная с РКИ проверка по выборочному методу исполнения того или другого закона с привлечением членов секций и правовых комиссий». В виду того, что задача эта является новой, НКЮ предлагал «особо учитывать получаемый в процессе работы опыт... и о результатах сообщить в ближайшем очередном отчете» (Директивное письмо НКЮ «ЕСЮ» № 16 1928 г.).

В подавляющем большинстве случаев отчеты за 1928 г. содержат по этому вопросу весьма скудные сведения, что, конечно, свидетельствует о недооценке местами важности выполнения этих важнейших директив.

В настоящее время в порядке проведения своей плановой работы Прокуратура Республики произвела обследование форм и методов работы прокурорского надзора по наблюдению за проведением в жизнь законов. Такому обследованию подверглась Ленинградская областная прокуратура¹⁾. О результатах обследования мы и поговорим.

Конечно, законам о сельхозналоге, самообложении, словом, таким законам, к которым приковано внимание всей пролетарской общественности и по которым проводятся специальные кампании, прокуратурой уделялось достаточно внимания.

По целому же ряду законов и законов далеко не маловажных, взятых для проверки, оказалось, что прокуратура не уделяла никакого внимания, либо весьма недостаточно. Мы отнюдь не думаем, что Ленинградская прокуратура представляет в этом отношении какое-нибудь исключение. В Ленинградской области, напр., совершенно забытыми оказались такие законы, как, положение о лесах местного значения, закон о передаче сел.-хоз. коллективам госземлюществ, промышленных и подсобных предприятий («С. У.» 1927 г. № 92, ст. 605), о передаче ККОВ и сельсоветам сумм, взысканных в доход государства в случае признания

недействительными договоров, заключенных трудовыми землепользователями («С. У.» 1928 г. № 36, ст. 268), о предоставлении первичным кооперативным организациям и крестьянским обществам взаимопомощи льгот в отношении господрядов и госпоставок, о мероприятиях по оказанию материальной помощи детям беднейших семейств («С. У.» 1928 г. № 44, ст. 30) и др.

Такие данные говорят о том, что был забыт (почти полностью) один из важнейших участков работы прокурорского надзора—по наблюдению за проведением законов—несмотря на совершенно точные директивы XV с'езда партии и разработанный на основании этих директив циркуляр НКЮ.

Так как некоторые из перечисленных законов имеют особенно большое значение, то было решено проверить, как они в действительности проводятся в жизнь. Могло оказаться и так, что сами заинтересованные ведомства своевременно и точно выполняют те обязанности, которые на них возлагает закон. Однако, в действительности положение оказалось крайне неблагоприятным и по существу.

Возьмем такой важный закон, как положение о лесах местного значения.

При ознакомлении с вопросом о проведении в жизнь этого закона, начиная с Ленинградского областного лесного отдела и кончая лесничеством (в с. Шимске, Новгородск. р. и окр.), выяснилось, что требования положения о лесах местного значения не выполнены. Даже инструкция, которую, согласно этому положению обязано было издать областное лесное управление, еще до сих пор не издана.

При обследовании лесничества в с. Шимске лесничий жаловался на отсутствие инструкции, отсутствие также по лесонарушениям в лесах местного значения (ст. 19 положения), на то, что не введены должности лесоводов—районных и окружных (ст. 20), что районные инструктора отсутствуют и что созыва окружных совещаний не было (ст. 16). Основная цель, которую ставило перед собой правительство при утверждении закона о лесах местного значения—передача этих лесов в ведение сельсоветов и РИК'ов для обеспечения более правильного распределения леса и большей сохранности этих лесов—не была достигнута.

В обследованном лесничестве разъяснения закона о лесах местного значения не велось, не было также организационных совещаний с РИК'ами и сельсоветами по вопросам проведения в жизнь этого закона. По заявлению Шимского лесничества: 1) лес (строевой) неправильно распределяется по долям без учета социального положения, 2) нет охраны лесов, 3) не производится регулярных ревизий (РИК и сельсовет не уделяют этому вопросу внимания).

По признанию Новгородского окр. лесного отдела, в результате такого положения, миллионное имущество фактически является беспризорным.

Такое положение могло создаться благодаря невниманию со стороны руководящих лесных органов к проведению в жизнь закона о лесах местного значения.

С таким же невниманием относились местные органы к закону о передаче ККОВ и сельсоветам сумм, взысканных в доход государства, в случаях признания недействительными договоров, заключенных трудовыми землепользователями.

Казалось бы, ККОВ'ы нуждаются в материальных средствах, и где, как не в комитетах взаимопо-

¹⁾ Изобследовано также обследование Московской и Тульской прокуратур.

мощи, искать опорных пунктов в деревне для борьбы с лицами, заключающими кабальные либо запрещенные сделки (по покупке, продаже и субаренде земли). Этот закон как раз и заинтересовывает комитеты взаимопомощи в активном участии в борьбе и изобличении лиц, заключающих незаконные сделки. Справка, полученная по этому вопросу в Новгородском окружном комитете КОВ, была весьма кратка и ясна: «Передача средств в сельские кресткомы, согласно закона о признании недействительными договоров, заключенных трудовыми землепользователями, не применялась».

Такая же судьба постигла и закон о мероприятиях по оказанию материальной помощи детям беднейших семейств.

Все местные исполнительные комитеты обязаны были включить в соответствующие сметы, начиная с 1928—29 года, ассигнования для оказания систематической материальной помощи детям беднейших семейств. Однако, оказалось, что в округах (Ленингр. обл.) в виду ограниченности местного бюджета, ассигнований на эту цель (по отд. народнообразования) включено не было.

По справке, полученной в облземуправлении, по этому закону ничего не выполнено, «так как сельская беднота по многодетности не учитывается, а средства, отпускаемые на бедняцкие хозяйства, распределяются местными органами по нуждаемости». Остановимся на другом законе—о мероприятиях по хозяйственной помощи деревенской бедноте.

Интересно проследить, каковы были методы Ленинградской прокуратуры по наблюдению за проведением в жизнь этого закона и к каким результатам они привели. Методы эти были следующие: а) целевые обследования низовой сети сельско-хозяйственного кредита, б) выявление извращений в кредитной политике на собраниях крестьян и бедноты, в) пропаганда этого закона на общих собраниях крестьян и среди бедноты, г) судебное преследование должностных лиц, нарушающих закон о помощи бедноте.

При проверке проведения в жизнь этого закона применялись методы 3 совещания прокурорского надзора; однако, не везде в одинаковой степени, причем ни в одном округе эта работа не получила должного развития. С положительной стороны выделялись лишь отдельные участки прокурорского надзора (напр. по Новгородскому округу, Новгородский и Крестецкий районы). При наблюдении за проведением в жизнь закона о хозяйственной помощи деревенской бедноте прокуратурой была допущена серьезная ошибка (это относится и к другим законам). Не было четкости в определении объектов наблюдения, которых в каждом законе может быть и несколько. В законе о хозяйственной помощи бедноте правительством поставлен ряд задач:

- а) кооперирование бедноты,
- б) кредитование бедноты,
- в) использование средств кредитования бедноты,
- г) снабжение средствами производства,
- д) другие формы хозяйственного и культурного обслуживания.

Каждый из этих разделов безусловно заслуживал внимания прокурорского надзора. Но, очевидно, вследствие отсутствия углубленной проработки важнейших законов (и в том числе и этого) наблюдение за этим

законом пошло в одном только направлении, а именно наблюдения за кредитованием (конечно, это очень важная часть декрета).

Ряд важнейших организационных мероприятий для обеспечения правильного и своевременного проведения в жизнь закона и соблюдения классовой линии не был в поле зрения прокурорского надзора. Так, например, выяснилось, что требуемых ст. 14 этого закона совещаний для распределения кредитов в составе представителей с.-х. кооперации, комитета взаимопомощи и др. не существует.

Законом предусмотрено также обязательное привлечение агронома и представителей ККОВ, волисполкома и бедноты при распределении средств между ссудополучателями. Но на эту сторону наблюдение прокуратуры не простиралось. При обследовании Подгосненского сел.-хоз. товарищества оказалось, что на деле распределение кредитов производилось единолично (а потом собирались подписи), беднота же не привлекалась к этому делу.

Соблюдение важнейшего требования закона об отпуске не менее 80% средств, ассигнуемых на кредитование бедноты, в течение первых двух кварталов также не проверялось.

Извещения о кредите для приобретения семян, рабочего скота, сел.-хоз. машин и др. поступили лишь (по еще не были выполнены) в день производимого обследования (3 апреля), т.-е. с явным опозданием.

Не обращалось достаточного внимания и на то, как соблюдаются правила кредитования, действительно ли бедняк получал помощь в размере, необходимом для реального хозяйственного подъема, т.-е. в размере полной стоимости сел.-хоз. инвентаря, в котором он нуждается, и были ли условия кредита для него доступными.

Кредитование колхозов и бедноты в прошлые годы производилось со взысканием более высокого %, нежели это указано в законе, местные колхозы и бедняки продолжают уплачивать высокий процент и за ссуды, взятые несколько лет тому назад. Между тем, по инструкции Сельхозбанка СССР, кредитные учреждения обязаны были сделать перерасчет процентов, что значительно облегчило бы материальное положение должников. Новгородский селькредсоюз допускает увеличение взыскиваемых процентов по ссудам до 12 в тех случаях, когда сами пайщики постановляют об этом увеличении для использования некоторой части этой суммы на какие-нибудь общепользные нужды, что, конечно, незаконно, так как это является видом самообложения в системе кредитных учреждений.

Как уже отмечалось, со стороны прокурорского надзора большое внимание уделялось вопросам (первостепенной важности): 1) кому достается кредит (бедняку, середняку или зажиточному), 2) как происходит погашение задолженности.

Такие обследования как по линии прокуратуры, так и по руководящим кредитным учреждениям шли по всем округам, и благодаря им было выявлено значительное количество извращений классовой линии.

Интересно отметить, что низовая сеть кредитных товариществ мало знакома с законом о хозяйственной помощи деревенской бедноте. Мало того—при обследовании Подгосненского сел.-хоз. кредитного товарищества оказалось, что и самого закона в товариществе не было.

Нам думается, что выводы, к которым приводит произведенное обследование, можно распространить и на другие районы. Основной недочет заключается в том, что работа прокуратуры по наблюдению за проведением в жизнь законов в Ленинградской области носила случайный характер и что этот важнейший вопрос не выделен, как самостоятельный.

Основные директивы 3 совещания прокуратуры, хотя и были восприняты, но в жизнь проводились очень медленно.

Интересно здесь перечислить те формы и методы работы по наблюдению за проведением в жизнь закона, которые признано было на камерном совещании Ленинградской прокуратуры целесообразным проводить в дальнейшей работе:

1) Наблюдение за проведением в жизнь законов должно быть выделено, как одна из важных функций работы общего надзора как в области, так и округе и участке.

2) Следует вести особый контроль за проведением в жизнь наиболее важных законов, наблюдая за своевременным изданием инструкций и вообще за принятием ведомствами мер, указанных в законе.

3) Нарушения законов должны выявляться на собраниях бедноты.

4) Обратит внимание на необходимость внедрять знание законов среди работников низовой советской и кооперативной сети по вопросам, непосредственно касающимся их работы и привлекать к пропаганде права соответствующие ведомства.

5) Производить целевые обследования в плановом порядке для проверки проведения наиболее важных законов по соответствующим звеньям (от обл. центра—до села включительно).

6) Целевые обследования проведения в жизнь законов проводить при содействии партийных и советских органов, используя членов советов (членов комиссий и секций).

7) Обязать местные органы власти сообщать РКК и прокурорскому надзору о должностных лицах, не проводящих в жизнь законов и постановлений центральных и местных органов власти.

8) Прорабатывать некоторые наиболее важные законы (и директивы НКЮ) на камерных совещаниях.

9) Вырабатывать инструктивные письма по проведению в жизнь законов совместно с ведомствами, например, по сельхозналогу.

10) При производстве ревизий обследовать вопрос о проведении в жизнь важнейших законов.

11) Своевременно указывать ведомствам на неправильное проведение закона.

12) Ставить перед исполкомами и ведомствами вопрос об издании обязательных постановлений по проведению в жизнь законов.

13) Использовать судебные материалы и принимать меры в случае обнаружения при разборе дел непроведения в жизнь законов учреждениями.

14) Использовать материалы съездов, конференций, обследований, проводимых советскими, партийными и общественными организациями, для принятия мер по проведению в жизнь законов.

15) Использовать выступления работников прокуратуры на съездах и конференциях и избирательных собраниях и т. п. для заострения вопроса о проведении в жизнь законов.

На том же камерном совещании было постановлено просить НКЮ делиться с местами опытом произведенных обследований проведения в жизнь закона центральными учреждениями.

Проведенное обследование еще раз подтвердило, что с проведением в жизнь законов у нас обстоит крайне неблагоприятно. Совершенно не случайно в докладе: «Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом» на XVI всесоюзной конференции ВКП(б) на первое место выдвинут и особое внимание уделено вопросу систематического контроля над выполнением постановлений правительства. В докладе по этому вопросу тов. Яковлев указал: «Мы живем в условиях, когда ведущееся нами социалистическое наступление встречает бешеное сопротивление со стороны кулака, боящегося потери своих позиций. Кулак, а в ряде случаев и эшман, и буржуазные интеллигенты, сидящие в нашем чиновничьем аппарате, пытаются в развертывающейся классовой борьбе кое-какие части нашей государственной машины повернуть в свою сторону, поставить себя на службу. Поэтому вопрос о проверке исполнения становится центральным вопросом, которому приходится уделить особенно большое внимание, большее даже, чем то, которое необходимо было уделять этому вопросу несколько лет назад»¹⁾.

Все это говорит о том, какое огромное значение имеет работа прокуратуры по наблюдению за проведением в жизнь законов.

Следует признать необходимым изменить методы руководства в этом вопросе (как и по другим) и со стороны наркомата.

Опыт показал, что директивы более или менее общего характера не достигают цели. Необходимо более непосредственное инструктирование со стороны центра—непосредственный показ, как именно провести работу. Инструктора центра должны участвовать на местах в проведении в жизнь наиболее важных и наиболее трудных задач, а полученный опыт передавать по периферии.

Такое участие центра в местной работе даст огромный результат и предохранит от повторения подобных ненормальностей, когда директивы партии проводятся в жизнь с значительным опозданием.

Директивы XV съезда и XVI конференции ВКП(б)—о проведении в жизнь законов—должны занять надлежащее место в работе прокуратуры, начиная с центра и кончая каждым участковым прокурором.

И. Ростовский.

Необходимо срочное вмешательство прокурора.

(О красноармейских жалобах).

На местах до сих пор исполнительными комитетами и некоторыми их отделами далеко не сделано всего того, что требует от них закон от 14 сентября 1925 г. о защите правового и имущественного положения красноармейцев и их семей.

¹⁾ «Правда» № 101 от 4/V—1929 г. Доклад тов. А. Я. Яковлева.

Прежде всего значение этого декрета не дооценивается теми работниками, на которых возложено непосредственное его исполнение, несмотря на ясное и определенное указание правительства еще в 1925 г., па то, что «Соблюдение всех законов, ограждающих права и интересы красноармейцев и их семей, является первой обязанностью всех органов советской власти».

В связи с этим, постараемся на конкретных примерах из опыта Московской губернии показать, как эта «первая обязанность» воспринята государственными учреждениями и некоторыми общественными организациями.

Большой наплыв в этом году в Московскую губернскую прокуратуру жалоб от красноармейцев и комиссии связи частей Красной армии на невнимательное и медленное рассмотрение заявлений и ходатайств красноармейцев и их семей заставило нас предпринять проверку постановки этого дела в ряде отделов Московского совета, в волисполкомах и некоторых сельсоветах.

Эта проверка, а также и созванное при прокуратуре специальное совещание представителей отделов Моссовета, красноармейских частей М. В. О, военной прокуратуры и военной секции Моссовета, показало далеко неудовлетворительное положение данного вопроса. В некоторых случаях этот закон был совершенно забыт теми учреждениями, которые должны были бы его знать «на зубок».

В чем же заключались эти вопиющие, по нашему мнению, недостатки?

Первый. Заявления красноармейцев рассматриваются чрезвычайно медленно, а временами их рассмотрение затягивается уж совершенно недопустимым образом.

Выявлен, например, целый ряд случаев, когда заявления лежат в отделах Моссовета, в ВИК'ах месяцами без всякого рассмотрения или когда о принятых мерах заявителю вообще ничего неизвестно, несмотря на его неоднократные запросы. Из общей массы жалоб приведем хотя бы следующие примеры: Комиссия связи частей Красной армии 17 июля 1928 г., препровождая заявление красноармейца, ходатайствует перед Егорьевским уисполкомом о направлении на работу сестры указанного красноармейца. До февраля 1929 г. (спустя почти 8 месяцев) заявитель не получает ответа. Военская часть прибегает тогда к помощи прокуратуры, которой установлено, что это ходатайство от УИК'а механически перешло «по принадлежности» в волисполком, последний—механически тоже «по принадлежности» направил это заявление на биржу труда, а там оно кануло в «вечность»...

Пограничный отряд ОГПУ направил 3 июня 1928 г. в Богородский УИК со своим ходатайством заявление отца о наделе землей его семьи. До февраля месяца (момент нашего обследования) ответа воинская часть не получила. То же по жалобе тому же УИК'у от 3 июля 1928 г., от 10 июля 1928 г. и т. д. и т. д.)

В качестве примера приведем еще одну переписку Московского отдела социального обеспечения. Желдорполк написал в это учреждение ходатайство 17 дек. 1928 г. о выдаче пособия матери красноармейца. МОСО получил эту бумагу 21 декабря. Желдорполк 3 января шлет напоминание, полученное в МОСО 7 января и лишь только 17 января спустя почти месяц «мари-

нада» это заявление тоже «механически» пересылается в райсобез «для рассмотрения». И только при содействии прокуратуры 16 февраля «удалось» получить окончательный ответ.

После всех этих случаев как-то не верится, что существует специальный закон—пост. ВЦИК от 25/IV—25 г., охраняющий права красноармейцев. Не верится, что существует такой пункт в этом законе, который категорически предписывает исполкома рассматривать жалобы (заявления) красноармейцев и их семей и давать этим жалобам направление в трехдневный срок или разрешать их в пределах своей компетенции в семидневный срок.

Дважды в 1924 г., а затем в 1925 г. ВЦИК приказывает организовать институт уполномоченных при исполкомах и возложить на них ответственность за прохождение этих жалоб. ВЦИК особо приказывает этим уполномоченным «доводить до сведения подлежащих лиц прокурорского надзора о каждом случае чрезмерной задержки и волокиты в производстве по передаваемым ими в исполкомы делам, а также о всех замеченных случаях нарушения законов, в связи с разрешением этих дел». Между тем, до сих пор прокуратура не может найти этих «уполномоченных» и вряд ли их найдет, так как в течение всех лет эти «хранители» красноармейских писем нигде ничего не сделали.

Второй недостаток—это вопрос о пособиях и пенсиях семьям красноармейцев. Существующий в некоторых местах произвол с распределением этих специальных средств и то «архи-второстепенное» значение, которое занимает вообще в бюджете эта статья расхода—требует к себе особого внимания.

Если говорить о нарушении прав семей красноармейцев и инвалидов гражданской войны, то больше всего безобразий наблюдается именно в этой области.

Статья 8 Манифеста ЦИК СССР 15/X—27 г. поставила вопрос о необходимости обеспечения пенсиями этой категории лиц и об увеличении размера пенсий в отношении инвалидов гражданской войны не меньше чем вдвое.

Последующим манифестом в честь десятилетия Красной армии это мероприятие еще раз было подтверждено. После этих законов для всех как будто должно быть бесспорно значение этого вопроса.

Между тем, московская практика говорит совершенно обратное.

В ряде уездов невыполнение контрольных цифр по пенсионированию переходит всякие границы «приличия»: так, например, Ленинский уезд выполнил всего на 55%, Каширский на 20%, Подольский на 15%.

Семьи красноармейцев, имеющие по закону право на получение пособий, не получают их даже в тех случаях, когда это право за ними (после всяких процедур) признано соответствующими учреждениями.

Проверка жалоб на невыдачу законного пособия семьям красноармейцев и семьям лиц, погибших на войне, показала, что по линии социального обеспечения в Московской губернии зарегистрировано 707 семей, за которыми комиссия признала право на получение пособия. Пособие это, однако, не выдается за отсутствием средств. Ежемесячный недостаток средств определяется таким образом в 8.823 рубля. нас интересует вопрос, является ли всему этому причиной действительное отсутствие средств (с этим, конечно, нельзя не считаться) или это ненормальное явление

известной степени надо отнести за счет существующей неорганизованности, невнимательного и цедлового отношения к этому делу.

Над этим вопросом кое-кому следует особо задуматься. Такое положение вещей, когда ходатай—бывш. красноармеец, инвалид гражд. войны или семья красноармейца—добивается с большими трудностями и мучениями своего права и вместо действительной помощи, обеспечивающей его существование, получает одно голое «постановление»,—такое положение подрывает веру в закон и является поэтому совершенно недопустимым. Эту работу исполкомов надо подтянуть.

В этом деле, говоря словами XVI Всесоюзной партконференции «проверка исполнения становится вопросом, которому приходится уделять особенно большое внимание, большее, даже чем то, которое необходимо было уделять этому вопросу несколько лет тому назад»¹⁾.

Третий недостаток—это качество работы военной секции советов. Об этом качестве до некоторой степени говорят следующие цифры:

С октября 27 г. С октября 28 г.)
по апрель 28 г. по март 29 г.

Красноармейские жалобы,
поступившие по полугодиям в секцию

387

122

В качестве раз'яснения приведу подлинную выдержку из акта обследования:

«Снижение количества жалоб объясняется по преимуществу тем, что Комиссия связи частей Красной армии считает свои обращения в секцию бесполезными, поскольку ответов по старым делам не получили или получили извещения по следующему трафарету: «жалоба передана туда-то и обращайтесь за справками в такой-то срок...».

Отсюда вывод, что военная секция еще недостаточно развила свою работу, еще недостаточно популярна в частях Красной армии. Это обстоятельство ей нужно учесть и принять меры для улучшения постановки своей работы.

И, наконец, несколько слов о работе в этом направлении прокуратуры.

Успешная постановка этой работы в дальнейшем во многом зависит от исполнительных комитетов и от активности секций, как общественного контроля, могущего приковать внимание к этому вопросу всей общественности. На ряду с этими основными мероприятиями органы прокурорского надзора неуклонно будут ставить вопрос об уголовной ответственности каждого должностного лица за непринятие им мер к защите прав красноармейцев. Такую линию мы сейчас проводим по отношению к некоторым работникам в Можайском уезде, в г. Москве.

Эту линию мы проводим и будем проводить на основании точного указания ВЦИК^а¹⁾ о том, что «должностные лица, не принявшие мер к защите справедливых интересов красноармейцев и их семей, привлекаются к уголовной ответственности по ст. ст. 111 и 112 УК РСФСР.

Вместе с этим необходимо добиться принятия следующих мер:

1) добиться от исполкомов обсуждения этого вопроса;

2) исполкомы должны обязать свои отделы строго соблюдать установленный постановлением ВЦИК от 25/IX—25 г. порядок рассмотрения заявлений красноармейцев и выделения этих жалоб (заявлений) в особое производство, установив при этом особый контроль за исполнением;

3) те отделы исполкомов, которые в своей работе больше всего сталкиваются с ходатайствами красноармейцев и их семей (собес, жилищные), должны эту работу освещать на страницах красноармейской печати;

4) возродить институт уполномоченных при исполкомах, на которых возложить ответственность за рассмотрение этих жалоб;

5) исполкомы должны обязать свои оргинструкторские отделы, при ревизиях уделять должное внимание постановке этого дела на местах;

6) такая же работа должна проводиться РКИ при обследовании соответствующих учреждений;

7) военные секции советов должны считать своей основной задачей установление постоянного контроля за отделами исполкома (и находящихся при них уполномоченных) в части разрешения красноармейских жалоб. На ряду с этим контролем, секция, посредством оказания содействия учреждению в разрешении этих жалоб, послужит связующим звеном между исполнительным комитетом и частями Красной армии;

8) и, наконец, с нового бюджетного года необходимо окончательно добиться обеспечения бесперебойной выдачи пособий семьям красноармейцев и инвалидам гражданской войны, за которыми это право уже признано постановлениями соответствующих учреждений.

Лейкин.

Оградим сельхозколлективы от кулака.

Основная наша задача—индустриализация страны—в своем выполнении во многом зависит от развития базы ее — сельского хозяйства. Продовольственно-сырьевую базу индустриализации может обеспечить, главным образом, обобществленное сельское хозяйство в виде совхозов и коллективных хозяйств.

Ноябрьский пленум ЦК нашей партии предложил твердо проводить курс на подтягивание сельского хозяйства «...всемерно развивая производительные силы деревни при все возрастающем ограничении эксплуататорских, капиталистических ее элементов, строя совхозы, поощряя и всемерно поддерживая коллективные формы сельского хозяйства (колхозы, коммуны, артели и т. д...».

XVI Всесоюзная партконференция с полной ясностью подчеркивает, что «поскольку решающим методом абсолютно необходимого повышения производительности сельскохозяйственного труда является создание крупного социалистического земледелия, партия и советская власть неуклонно из года в год, в соответствии с ростом материальной базы, создаваемой промышленностью, должны содействовать организации и росту коллективов, оказывая им всю возрастающую финансовую и материальную поддержку».

¹⁾ Из доклада т. Яковлева на XVI Всесоюзной партконференции.

¹⁾ Пост. ВЦИК 14/XI—25 г. (Пав. ВЦИК 27/X—25 г.).

Доля коллективных форм в сельском хозяйстве за последние годы значительно возросла, несмотря на активное сопротивление и борьбу со стороны кулацких элементов деревни.

Эта борьба ведется в различных формах: при помощи агитации против коллективных форм; прямого вредительства (поджоги построек, погромы посевов, порча машин и т. п.); путем приспособленчества кулаков к коллективным формам и т. п. Первые две формы—наиболее уловимы и борьба с ними не представляет серьезных затруднений. Борьба же с приспособленчеством кулацких элементов к коллективным формам хозяйства несомненно трудней и в настоящий период представляет для народного хозяйства наибольшую опасность.

Целый ряд судебных дел и широкое обсуждение в печати за прошедшие два года нам показали, что частный капитал, на который в эти годы было начато решительное наступление, старался приспособиться, приноровиться и найти законные формы для своего существования. Значительные льготы, предоставленные нашим законодательством кооперативным организациям, с одной стороны и, с другой—давление на частника, должны были повлечь и на самом деле, при неосмотрительности и слабом контроле наших учреждений, повлекли наступление частного капитала и спекулятивных элементов на кооперацию, превратив целый ряд низовых организаций в лжекооперативы.

Наиболее удобной, наиболее коммерчески выгодной и наименее уловимой формой для частника в городе явилась промысловая кооперация.

Решительные меры борьбы с лжекооперацией в городе в дальнейшем нам показали, что таких лжекооперативов и организаций с уклоном к лжекооперации, особенно в крупных городах, оказалось довольно большое количество.

Подобные же формы защиты от наступающего социалистического сектора сельского хозяйства будут использованы и даже уже используются частно-капиталистическим, кулацким элементом нашей деревни, при попустительстве, невнимательности, а иногда даже и при прямой поддержке их со стороны соворганов.

Рассмотрим несколько имеющихся у нас примеров.

Кузнецовская сельско-хозяйственная артель в Подольском у. Московской губ. Эта артель существует с первых лет революции, организована несколькими лицами на землях, принадлежавших до революции графине Витте и барону Бодэ. В пользовании артели находилось пахотной земли свыше 70 гектаров и небольшой участок сенокоса. Артель организована при активном содействии местных органов власти и вышестоящих земельных органов. В артель вошло 4 семьи, с общей численностью в 14 человек, неизвестных никому по своему бывшему имущественному положению. Еще во время империалистической войны эти семьи из теперешней Латвии приехали в Московскую губ., как беженцы. Все они между собой близкие родственники. Во главе артели встал некий гр-н Масловский. Все вышеуказанные земли поступили в их распоряжение, земельные органы, кроме того, оказывали активное содействие не только в передаче «артельщикам» инвентаря бывших имений, но и в получении новых сельско-хозяйственных машин. Через некоторое время все «соартельщики» Масловского уезжают на родину, а он на

указанных землях остается один. Прекрасно понимая, что на него могут обратить внимание, он принимает меры к тому, чтобы взять к себе нескольких человек из лиц, искавших себе какого-либо заработка, или просто нищих, питавшихся милостыней, и для вида зачисляет их членами артели. Такие артельщики, проработав лето, уходили, на их место появлялись новые, количеством то больше, то меньше—в зависимости от сезона сельхозработ.

Формально артель переходит в дальнейшем на устав «Товарищества по совместной обработке земли», а по существу родился новый помещик, только не барон Бодэ или графиня Витте, а просто Масловский, с переменным составом батраков. «Артель» на выставках получает похвальные отзывы, в то время как большая половина ее земель запущена и вовсе не обрабатывается. Где были глаза у представителей органов местной власти—сказать трудно. В то же время «артель» или по-новому «товарищество» в своем росте идет дальше. Кроме Масловского в «товариществе» осели еще трое одиночек: две девицы и один молодой парень. Это «товарищество» в последнем году подало заявление о желании выйти на самостоятельные хуторские хозяйства, поделив имеющуюся в их распоряжении землю. Только это заявление открыло глаза представителям местных органов власти, только теперь они заметили, что на землях госземимущества вырос кулак и после ряда замечек селькоров подняли вопрос о ликвидации «товарищества» и выселении членов его с этих земель. С указанной земли их выселили, но водворили в другое бывшее имение, находящееся от первого в двух километрах, при селении Нечиново. Площадь предоставленного им вновь в пользование земельного участка, правда, гораздо меньше, но зато жилые помещения и хозяйственные постройки значительно лучше.

Кстати заметим, что за все годы хозяйствования на прежнем участке эта «артель» не только не возвела новых жилых и хозяйственных построек, но даже привела в негодное состояние старые. Инвентарь, разными обманными путями «артельщики», а главным образом, Масловский, присвоили себе.

При обследовании Московской губ. прокуратурой кроме указанного установлено, что по существу это была лжеартель, в ней все имущество числится в артели, главным образом, как частная собственность Масловского, для вида числящийся за «артелью» инвентарь—в самом неприглядном состоянии. «Артельные» овцы давно подошли, общая лошадь стоит под открытым небом, по замученности она мало похожа на лошадь, в то время как личный рогатый скот и лошади держатся в помещении и за ними более внимательный уход, хотя до показательного, для местных крестьян, ухода еще очень далеко. Никаких записей и учета по хозяйству нет, всякий по существу работает лично для себя. Никаких налогов, ни аренды за занимаемые помещения госземимущества «артельщики» не платят.

В том же уезде и также до сих пор существует другая артель, т. п. «Романцевская сел.-хоз. артель», организованная при содействии земельных органов. Устав ее утвержден в обычном порядке, имеется даже утверждение губземотдела, артель несколько раз обследовалась земорганами и в ней найдено все в порядке, а за некоторые мероприятия артель удостоилась даже похвалы обследователя.

А что же это за советская артель, служащая примером для коллективизации нашего сельского хозяйства?

В утвержденном уставе этой артели написано: «Основной целью артель считает более полное и лучшее использование производительных сил земли, поднятие «благосостояния» (так и написано) своих товарищей и использование всех сил, как материальных, так и духовных, заложенных в каждом человеке, и созная, что всего этого добиться можно только при общей дружной работе, мы гр. селения Романцево и объединились в артель для дальнейшей плодотворной работы». Или дальше: «каждый в артели трудится по своим силам, работает не за страх, а за совесть» (какой социализм!). В параграфе о средствах, помимо других, значатся и предполагаемые к получению средства от советской власти. Но, посмотрим, что за крестьянская беднота, так социалистически настроенная, состоит в этой артели!

При проверке нами установлено, что в нее входят: Лебедев: Сергей Иванович—52 лет, Петр Иванович—48 лет, Павел Иванович—46 лет, Константин Иванович—42 л., Варвара Ивановна—40 л., Анна Ивановна—39 лет, Прасковья Семеновна—75 лет; Андреева Мария Васильевна—80 лет и Русакова Мария Егоровна—75 лет,—полностью вся семья бывш. помещиков Лебедевых и их две прислуги. Помещики жили в этом же имении и владели участком свыше 100 десятин пахотной земли и теперь они продолжают жить в этом же своем довольно богатом доме, с благоволения или недосмотра нашего получили два десятка десятин пашни, прикрылись приведенным выше уставом и теперь продолжают жить, владея кроме того богатым живым и мертвым инвентарем.

Попытки к выселению или отобранию хотя бы излишнего инвентаря разбивались до последних дней о броню артельного устава, о рекомендации инструкторов и справки УЗО, выданные при недопустимо халатном отношении к делу. Так, в акте инструктора по сел.-хоз. кооперации при обследовании «Романцевской трудовой артели» написано при «обследовании артели, хозяйство найдено мною в удовлетворительном состоянии. Все члены артели ведут хозяйство личным трудом; земля используется рационально. В хозяйстве имеется небольшой садик и огород. Тот и другой ведется хорошо. Небольшой же огорожок по качеству обработки можно признать образцовым» и дальше идет подпись инструктора. В том же акте указано, что земля артели наделена уземотделом из владений бывш. бр. Лебедевых. И надо полагать не без умысла инструктором совершенно не говорится, из кого состоит артель. И еще того лучше — уземотделом в 1923 г. за подписью зав. УЗО, инструктора по сел.-хоз. кооперации и секретаря отдела этой «артели» выдана справка, в которой, наряду с другими сведениями указано: «За все время существования артель не отступала от уставных правил и никаким взысканиям не подвергалась. Хозяйство свое артель ведет в настоящее время вполне удовлетворительно». И здесь нет никаких указаний на состав этой артели и не указано, для какой цели выдана эта справка.

Или еще в Клинском уезде продолжительное время жила т. н. «Атаковская сел.-хоз. артель». В результате обследования по селькоровским заметкам выяснилось, что Атаковская артель — это бывший Александровский монастырь. Несмотря на то, что эта

артель имеет и устав и правление и ревизионную комиссию, по существу это тот же монастырь с игуменьей во главе. В этой «артели» есть и поп и монастырский хор и причт и все, что полагается для монастыря. Правда, есть в ней и действительно трудящиеся крестьяне, но их несколько человек. Большинство же «артельщиков» не работает, а молится богу и ведет религиозную пропаганду среди местного окружающего населения. «Артель» имеет в распоряжении 55 десятин хорошей пахотной земли, но обрабатывает ее по старинке. Только после обследования артель была признана лжекооперативной.

И, наконец, еще один пример использования вывески артели со стороны бывш. помещика Лепешкина в Ульяновской вол. Московской губ. Лепешкин, занимавшийся в последние годы торговлей скотом, решил прикрыться кооперативной вывеской и из нескольких кр-н организовал молочную артель. Составили устав, подписали его и зарегистрировали в земельном отделе, а Лепешкин попрежнему продолжал заниматься торговлей скотом в Москве, но лишь от имени артели. Расследование по селькоровской заметке установило, что все прибыли от торговли шли не в артель, а в личный карман Лепешкина. Во всех приведенных примерах характерным для невнимательности наших низовых соворганов является то, что рядом с этими кулацкими, обеспеченными всеми условиями для беспечного существования «артелями» не жили, а подчас владели незавидное существование подлинные трудные коллективы, страдавшие от малоземелья, недостатка инвентаря и жилищ. Так, например, рядом с Атаковской ютилась сел.-хоз. коммуна «8-й Октябрь», на 80 едоков которой было всего лишь 33 десятины пригодной земли; многочисленные заявления окружающих крестьян о вступлении в коммуны из-за малоземелья не удовлетворялись. Или Софринская сел.-хоз. артель, имеющая в своем составе до 30 едоков, состоящая исключительно из бедняцких и середняцких хозяйств и имеющая в числе взрослых работников 4-х коммунистов, ютится в невозможных антисанитарных жилищных условиях, в то время, как рядом тут же Масловский занимает прекрасное помещение, тут же рядом стоит прекрасный помещичий дом, кстати сказать занятый под склад фуража. На просьбу продать его Софринская артель получила несерьезный ответ, что она не сумеет его перевести на новое место.

Необходимо отметить еще одну характерную форму кулацкого приспособленчества к кооперативным формам в сельском хозяйстве. В Шенкурском уезде Архангельской губ. был организован и долгое время существовал коллектив из нескольких хозяйств. За правилами его были несколько кулацких хозяйств, выговоривших у маломощных хозяйств условия распределения дохода пропорционально размерам внесенных пасов независимо от количества рабочих рук. Ясно, что при такой постановке и без воздействия наших органов «коллектив» должен был развалиться.

Имеют место и случаи вхождения кулаков в незначительные по количеству членов коллективы, где им обеспечивается руководство; под видом коллектива они отстаивают существование этих мелких и по существу маломощных хозяйств, противодействуя всеми способами реорганизации этих мелких коллективов в крупные, путем слияния. В то же время они ста-

раются внести разлад между отдельными коллективами.

Все эти явления ясно говорят о желанин кулака изнутри подорвать развивающиеся формы обобщественно-коллективного сельского хозяйства и подорвать веру середняков и бедноты в организацию крупного, социалистического хозяйства в деревне.

Приведенные примеры также указывают на недостаточное руководство наших низовых органов колхозами и на недостаточное повседневное внимание к их работе.

В распространении крупных, коллективных форм сельского хозяйства, в поддержке и развитии наметившегося в последние годы стремления крестьян к переходу на коллективные хозяйства решающее значение будет иметь именно влияние опыта работы уже организованных коллективов.

Ни по своему составу, ни по постановке работы указанные коллективы не являются и не могут являться показательными, образцовыми коллективными хозяйствами для неорганизованных еще бедняцко-средняцких хозяйств. Хозяиначанье помещиков и землевладельцев в данных случаях на лучших землях, зачастую при малоземельи окружающих крестьян, не

вызывает ничего кроме враждебного к ним отношения.

Деятельность же кулачества внутри коллективов по существу направлена против основных задач социалистического пути развития деревни, их работа на фронте нашей хозяйственной работы по существу есть вредительская деятельность, мошенничество по отношению к бедняцко-средняцким хозяйствам в отдельности и в общем ко всему организуемому из них хозяйственному коллективу.

Прикрытие кулацких хозяйств вывеской коллективов мы должны рассматривать, как лжекооперацию, привлекать организаторов, кулаков к уголовной ответственности, как это было указано ИКЮ по отношению к лжеартелям в промысловой кооперации. При разлагающей деятельности изнутри необходимо расценивать кулацкую работу, как вредительство.

На основе директив XVI Всесоюзной партконференции местные организации должны развернуть свою работу по организации здоровых, мощных коллективных хозяйств и повести работу по укреплению уже организованных, оберегая их от вторжения кулацких элементов.

А. Федлев.

Как работают примирительные камеры.

Организация примкамер в Смоленской губ.

В январе 1929 г. Смоленский губсуд на основе директив ИКЮ поставил перед собой задачу организации примкамер в Смоленской губ.

Вопрос об организации примкамер был проработан на расширенном пленуме губсуда. Как основную задачу, пленум поставил широкое освещение среди трудящихся значения примкамер. Было намечено в ближайшие месяцы организовать 40 примкамер в губернии (10 — в Смоленском уезде, 10 — в Вяземском и т. д.).

Надо заметить, что к практической работе по организации примкамер было приступлено лишь в марте 1929 г. Это в значительной мере объяснялось теми кампаниями (перевыборы советов, кооперации), которые проводились в начале 1929 г.

Для поднятия к вопросу об организации примкамер общественного интереса, в местных органах печати («Рабочий Путь», «Смоленская Деревня») было помещено несколько статей, посвященных значению примкамер. Помимо этого было помещено 26 заметок о примкамерах в стенгазетах и окружных печатных газетах (напр. в «Товарище» — Вяземский округ).

О том, насколько широко была развернута разъяснительная работа среди населения свидетельствует тот факт, что в одних только сельских местностях в течение 2-х месяцев было проведено свыше 400 докладов и бесед на тему о примкамерах. Крестьяне всюду приветствовали организацию примкамер. В отдельных случаях зажиточные элементы деревни, выступая против организации примкамер, говорили: «Что это за суд. Иван да Матрена будут решать дело» (дер. Ясиновская, Бельск. у.). Однако, подобные выступления встречали отпор со стороны бедняков и середняков.

По мере того как примкамеры организовывались и начинали работать, авторитет их быстро возрос среди окружающего населения. Это давало возможность значительно увеличить в короткий период времени предполагавшееся количество примкамер. Уже к 15 мая 1929 г. мы имели более 70 действующих примкамер при сельсоветах.

Губ. суд дал директиву большего вовлечения в работу примкамер бедняков и батраков, которых в работу примкамер вовлечено недостаточно. Более удовлетворительно обстоит дело с вовлечением женщин, их мы

имеем в составе примкамер 201 человека, т.е. 24,8%, этот % является еще недостаточным. Поэтому в дальнейшей работе по организации примкамер значительное увеличение % батраков и увеличение количества женщин-членов примкамер является одной из основных задач. Партийно-комсомольская прослойка среди членов примкамер равна 9%.

В течение 1—1½ месяцев по 61 примкамере поступило 100 дел; из них рассмотрено 70. Большинство дел было рассмотрено в течение семи дней. За этот период времени не было ни одного случая обжалования постановлений примкамер. Надо заметить, что целый ряд постановлений примкамер приводится в исполнение тут же и без принуждений.

Совершенно понятно, что примкамеры, тем более на первых порах своей работы, нуждались в живом инструкторовании.

Поэтому губ. суд предложил нар. судьям поддерживать живую связь с примкамерами, помогая последним советами, указаниями и т. д. В течение 2-х месяцев с членами примкамер было проведено 32 инструктивных совещания. Надо заметить, что в деле инструкторования примкамер допускались большие ошибки. Так один из нарсудей, несмотря на указания губсуда, дал примкамере для составления постановлений форму, которая применяется в нарсуде. Поэтому и получились такие, например, постановления примкамер: «Рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску.., выслушав объяснения и т. д. и т. п.».

Ясно, что такое навязывание примкамере форм судебных решений является совершенно недопустимым.

Пленум губсуда, подводя недавно итоги работы примкамер, заметил ряд практических мер, основные из них сводятся к следующему:

1. Систематически расширять сеть примкамер таким расчетом, чтобы к концу первой половины 1930 г. примкамеры были организованы повсеместно, при всех сельсоветах губернии.

2. При организации примкамер обеспечить выборы в них достаточного количества батраков и женщин, при чем последних должно быть не менее 30%.

3. Нарсудам систематически проводить личное инструкторование примкамер путем совещаний, бесед, поддерживая тесную связь с примкамерами. Категорически запретить нарсудам навязывание примкамерам своих форм работы.

4. Работу примкамер освещать в печати (стенгазеты, печатные органы), отмечая как положительные, так и отрицательные стороны. Всю работу примкамер ставить на обсуждение широких слоев трудящихся путем постановки отчетов председателей и членов примкамер и т. д.

5. Произвести в июне месяце обследование работы не менее 10 примкамер и производить в дальнейшем систематическое обследование работы примкамер. Сравнительно небольшой опыт работы примкамер в Смоленской губ. еще лишней раз показывает, какое громадное значение имеют они в деле культурного воспитания деревни, не говоря уже о действительности приближении суда к широким массам трудящихся.

Члены губернского суда *Генкин и Розанов.*

Смоленск.

Некоторые итоги большого дела.

(К вопросу о примкамерах).

Постановление Коллегии НКЮ от 20 декабря п. г. об организации примирительных камер при сельских советах в ряде губерний и округов коснулось и Курского округа. Получение распоряжения НКЮ незадолго до созыва по плану работ расширенного пленума окрсуда позволило вопрос о целях и задачах организации примкамер поставить на обсуждение всех нарсудей округа. В прениях по докладу, по обыкновению, сказано было много, но все речи сводились к одному: «организовать примкамеры надо и чем скорее и больше, тем—лучше».

Затем было приступлено к согласованию с местными руководящими органами власти вопроса о месте и о количестве открываемых примкамер и товсудов и нигде не было встречено какого-либо противодействия великому почину, даже окрпрофсовет (не в пример своему центральному органу) не возражал против создания товсудов на предприятиях г. Курска.

Далее для ознакомления местных органов: райкомов, райсоветов, а также крестьянских и рабочих масс с задачами примкамер в те районы, где была намечена организация примкамер, посылались члены окрсуда, запсудья, судья горнарсуда, а по некоторым районам эта задача была возложена непосредственно на нарсудей.

Доклады о задачах организации примкамер и об общественно политическом значении не раз ставились и обсуждались на заседаниях сельсоветов, на общих крестьянских сходах и среди групп бедноты и батрачества. В Солнцевском районе было проведено два доклада среди групп бедноты и три—на сельских сходах, в Обоянском—2 беседы с беднотой и 5 докладов на общих сходах, примерно, такая же работа предшествовала организации примкамер и по другим районам округа.

Завершением всей организационной работы было открытие по округу к 1 апреля 19 примкамер при сельсоветах и 2 товсудов при предприятиях гор. Курска. Количество примкамер, организованных в отдельных районах, колеблется от 1 до 5 камер в районе. Такое неравномерное распределение количества примкамер объясняется рядом причин.

Большее число примкамер было организовано в районах при тех сельсоветах, которые, или ближе находятся к окрсуду, или имеют хорошие пути сообщения. Кроме того имели значение соображения и иного рода, как-то: политическая обстановка района сельсовета, авторитетность его состава, степень организованности бедноты и батрачества, а также количество в районе сельсовета мелких преступлений бытового характера.

Выборы членов примкамер производились на сельских сходах, при чем группы бедноты в ряде случаев выступали на выборах с предложениями своих кандидатов, ранее намеченных на групповых собраниях.

По 14 примкамерам (сведения поступили не от всех) в состав примкамер избрано 170 членов, из них членов ВКП(б)—9 (5,3%), каппидатов—5 (3%), членов ВЛКСМ—7 (4,1%), бедняков—73 (43%), средняков—78 (46%), интеллигентных—1 (0,6%), рабочих—5 (3%), и служащих—

13 (7,6%). Из 24 членов товсудов—22 рабочих, 2 служащих и 11 партийцев.

Среди служащих, избранных в примкамеры, находится исключительно работники местных органов, пользующихся доверием крестьянской бедноты и середняков. Среди служащих есть члены партии, работающие в сельсоветах, и 2 учительницы сельских школ.

При выборе не было обращено достаточного внимания на избрание в число членов примкамер женщин-беднячек (13 чел.—7,6%) и на вовлечение батраков. В состав товсудов женщин избрано почти половина—46%.

В первый же месяц своей судебной работы примкамеры, как показало их обследование, вполне ясно поняли свои задачи бороться с бытовыми правонарушениями мерами товарищеского, морального воздействия.

Это подтверждается следующими примерами:

В Стрелецкую примкамеру Обоянского района поступило заявление от крестьянина Д. с просьбой возместить убытки, причиненные ему несовершеннолетним мальчиком, который разбил в его хате 2-х оконные стекла выстрелом из охотничьего ружья. Примкамера поставила взыскать в пользу истца с владельца ружья 30 коп., а с лица, зарядившего ружье, 70 коп. Кроме того, ответчикам вынесено общественное порицание за неосторожное обращение с огнестрельным оружием.

Щигорчанская примкамера Щигровского района рассмотрела дело по иску одного односельчанина о взыскании 8 руб. за волну, данную им ответчику для изготовления валенок. Ответчик, обязавшись выполнить принятый заказ к определенному сроку, не только не выполнил его, но возвратил волну истцу совершенно негодного качества и не ту, которая дана была ему истцом. Примкамера не только удовлетворила иск, что постановила волну оставить в пользу истца, считая, что волна является для него компенсацией за причиненные убытки из-за невыполнения ответчиком принятых обязательств по выполнению заказа.

Не обошлось, конечно, на первых порах деятельности примкамер без некоторых нарушений. Одна примкамера приняла к своему производству и разрешила дело о зарплате пастуха за пастбу скота. Хотя этим и было допущено формальное нарушение положения о примкамере, но по существу дело было разрешено правильно и решение было немедленно приведено в исполнение.

Значительно хуже, что волокита при рассмотрении дел наша место и в работе примкамер. Далеко не все дела рассматриваются в недельный срок.

Исполнение приговора и решений в отдельных случаях тоже производится крайне медленно.

Встречаются отдельные курьезные дела с не менее курьезными решениями. В одной камере рассматривалось заявление о привлечении к ответственности за спуск с цепи собаки, которая лишь напугала ребенка. Виновным сделано предупреждение и предложено в обязательном порядке собаку держать на цепи.

Все эти недочеты в работе примкамер незначительны и безусловно изживутся, но при единственном и обязательном условии оказания им помощи живым инструкторованием со стороны судработников. К сожалению, не все судьи это себе уяснили и один районный судья ограничился тем, что затребовал от примкамеры сведения о числе рассмотренных дел и о характерных постановлениях.

На всех собраниях, где ставился вопрос об организации примкамер, крестьяне активно обсуждали вопросы о построении примкамер и высказывались за разрешение в дальнейшем прав примкамер и за увеличение их подсудности. Интерес крестьянского населения к работе примкамер сказывается в том, что число присутствующих при рассмотрении дел доходит до 150 и больше человек. Привлекает их между прочим и принятый отдельными камерами порядок заслушивания на суде объяснений и показаний лиц, присутствующих в числе публики.

Делать сейчас какие-либо окончательные выводы о примкамерах несколько преждевременно, так как работа только начала, и дело изучения этой работы еще впереди. Несомненно лишь одно, что при общественной активности трудящихся, при хорошем классово-

выдержанном составе судей примкамер, при широкой помощи им со стороны судработников примкамеры и на селе и в городе при заводах выполнят поставленные перед ними задачи—культурного воспитания широких масс трудящихся. Вместе с тем, уже и сейчас можно поднять вопрос об увеличении сети примкамер и о расширении подсудности примкамер как по искам гражданским, так и по незначительным уголовным делам.

Бурск.

Б. Чишков.

Борьба с антисемитизмом.

«Для нас обязательна бешеная борьба против антисемитизма, поднявшего голову,—борьба, которая не исключает, а предполагает борьбу с непманами всех наций, в том числе и еврейской» (Ленин).

Повседневные факты говорят о росте антисемитских выступлений. Хотя последние имеют место не только со стороны антисоветских элементов, но и со стороны некоторых отдельных малосознательных трудящихся, но не может быть никакого сомнения в том, что почвой для этого роста является обострение классовой борьбы. Разжигание национальной вражды на руку исключительно классовому врагу. Если в этом гнусном деле принимают участие некоторые трудящиеся, то от этого контр-революционный характер антисемитских выступлений ни на йоту не изменяется. По существу это то же явление, которое наблюдается в ряде кулацких террористических выступлений против сельхозов и обществеников. Разве кулацкие элементы непременно во всех случаях сами, «собственноручно» убивают, поджигают? Разумеется, нет. Нередко (и это даже излюбленный прием) они предпочитают кулацкую расправу совершать руками или деклассированных, нередко просто преступных, элементов или одуряченных ими темных элементов из среды середняков и даже бедноты.

Нет ничего удивительного в том, что в деле разжигания национальной вражды, в антисемитских высту-

плениях классовый враг действует не только непосредственно, но и используя свое влияние на некоторые отсталые элементы трудящихся, используя те националистические предрассудки, которые прививались трудящимся в течение долгих веков господства эксплуататоров.

Участие отсталых элементов трудящихся в антисемитских выступлениях, как и другие бытовые явления нашей действительности (религиозный дурман, отношение к женщине и т. п.) служит лишним доказательством того, как многое еще нужно сделать для окончательного изгнания из нашего быта власти проклятого прошлого, какая тут предстоит повседневная напряженнейшая борьба.

Излишне доказывать, что борьба эта не должна вестись при помощи одних лишь уголовных репрессий. Среди отсталых слоев трудящихся, которые поддаются влиянию антисемитизма исключительно на почве своей отсталости и которые не доходят до совершения преступлений, должна вестись постоянная просветительная работа, которая раскрыла бы глаза на контр-революционную сущность и социальные корни антисемитизма, на то, что «нет горшего врага, как дикие антисемитские предрассудки и суеверия, которые в темных массах сеют враги пролетариата». (Ленин). Борьба с антисемитизмом, таким образом, составляет один из тех моментов, из совокупности которых складывается культурная революция.

Работники суда, прокуратуры, следствия не могут и не должны стоять в стороне от разъяснительной работы по вопросу о борьбе с антисемитизмом.

Разъяснительная работа по данному вопросу должна быть включена в качестве составной части в план общественно-политической работы, по крайней мере, в районах, где более или менее часто наблюдаются проявления антисемитизма, в план бесед, докладов на собраниях трудящихся, выступлений в печати, работы с административно-правовыми секциями, общественными обвинителями и т. д.

Юридические пузыри.

Когда я учился в сельской школе, то мы с сестрой очень любили пускать на блюде мыльные пузыри. Нам доставляло удовольствие, когда они пузырились один за другим, то маленькие, то большие и тут же лопались. Любил я смотреть и на лужи во время крупного дождя, где также соскакивали и лопались пузыри.

Эти детские воспоминания воскресли теперь в моей памяти.

Последняя сессия ЦИК и XVI партконференция заострили внимание на революционной законности. Чтобы эти законы проводить в жизнь, чтобы они не нарушались—нужно внедрить их в сознание масс рабочих и крестьян. Это дело нелегкое и росчерком пера с этим не справишься—нужна настойчивая каждодневная работа. Законов у нас не так мало и не так они просты, чтобы их можно было усвоить легко и скоро.

Сплошь да рядом бывает так, что крестьянин не знает куда и как обратиться по тому или иному возникшему у него вопросу. Пойдет в сельсовет, оттуда пошлют в РИК, придет в РИК—направят в суд, кидается в суд—посоветуют в земкомиссию. Иногда, в поисках ответа, крестьянин целыми днями прохаживает от стола к столу, многие десятки и сотни верст изъезжает его «Карька» за правдой.

Дать крестьянину хотя бы самое начальное знание наших законов, создать такие организации, в которых

можно было бы получить ясно, толково и быстро любое разъяснение, любую справку—вот задача уже не сегодняшнего, а давно прошедшего дня.

Конечно, в Ижморском районе брались за это дело. Но раз взялся за гуж, так не говори, что не дюж—говорит пословица. Нужно было это дело наладить. А вышло... так, как с пузырями—они всплывали, но тут же лопались.

Попытка организовать эту работу была сделана. 28 ноября 1928 г. Ижморский РИК на своем заседании организовал юридическое бюро в составе 14 человек ответ-работников района. Отпустил 60 руб. на литературу юрбюро.

В задачу юрбюро входило оказание юридической помощи населению через дежурных юрбюро при парсуде; чтение лекций и устройство бесед среди населения; самообразовательная работа... Программа—лучшего желать нельзя.

Однако, когда приступили к осуществлению этой программы, то на деле возникли «непредвиденные обстоятельства». Дежурные были заняты своей непосредственной работой и на дежурство в юрбюро не приходили. Придет крестьянин, посмотрит на замок и разочарованный, убежденный в том, что «как голяли, так и будут голять», уходит обратно.

И на такие вещи юрбюро смотрит сквозь пальцы, с наплевательской точки зрения, называя эту работу «мелочью».

За период декабрь—февраль (3 месяца) по календарному расписанию нужно было дежурить 77 дней. И

Еще более деятельное участие должны принимать органы юстиции в борьбе с антисемитизмом во всех тех случаях, когда антисемитизм проявляется в таких формах, в отношении которых необходимо применение уголовной репрессии.

Осуществить уголовную репрессию призван суд. Выяснить все фактические данные отдельных случаев, вскрыть антисемитскую подоплеку там где она, действительно, имеет место, как бы только она ни маскировалась, дать правильную политическую и юридическую оценку каждому отдельному преступному антисемитскому проявлению — таковы ответственные и прямые задачи работников суда и прокуратуры в борьбе с антисемитизмом.

Четкий классовый подход, понимание политического значения дел об антисемитизме — необходимые условия для правильного осуществления указанных задач.

Факты доказывают, что на практике наблюдаются иногда довольно резкие отклонения от правильной линии, что выражается в недооценке кое-где контр-революционного значения антисемитских выступлений. Одним из нарсудов Пугачевского округа избивение, происходившее потому, что потерпевший — еврей, было квалифицировано, как дело частного обвинения и по нему судом была применена ничтожная мера социальной защиты. В нарсуде г. Астрахани антисемитские выступления в виде неприкрытой ничем травли и прямого издевательства над евреями квалифицировались, как простое хулиганство и такого рода судебная «политика» одобрялась и окружными судами.

Мы уже не говорим о том общественном обвинителе, который публично на суде заявил, что за антисемитские выступления нельзя вообще наказывать по суду!

С подобными недопустимыми искривлениями в борьбе с антисемитизмом необходимо вести самую решительную борьбу. С примиренческим отношением к контр-революционным антисемитским выступлениям должно быть покончено. Широкая раз'яснительная ра-

бота, в которой, как указывалось, должны принять участие работники юстиции и должна ставить своей целью усилить активность и противодействие общественной среды антисемитским выступлениям. Это на ряду с суровой судебной репрессией один из надежнейших путей к скорейшему снижению антисемитских вылазок.

Н. Лаговский.

Плановое регулирование и Гражданский кодекс.

(К реформе Гражданского кодекса).

«Правовая норма, как «масштаб» буржуазных отношений в условиях переходного периода диалектически получает новое содержание, заключающееся в диктатуре пролетариата и социалистической плановости».

А. Стальевич.—«Пути развития советской правовой мысли».

Рост плановых начал нашего хозяйства, в связи с увеличением удельного веса предприятий последовательно-социалистического типа способствовал созданию новых договорных и иных правовых норм, отличных как по своей форме, так и по содержанию от правовых норм действующего ГК. Поэтому при преобразовании ГК необходимо учесть те наслоения, которые образовались благодаря действию плановых актов, как в секторе обобществленном, так и в секторе частно-хозяйственном.

В нашей статье мы остановимся лишь на разборе наиболее ярких правовых форм, возникших при столкновении плановых актов со стихией рыночных отношений.

Государственное предприятие с выделенным имуществом, наделенное правами юридического лица и выступающее на рынке самостоятельно и независимо от казны, не может быть противопоставлено государству, как организация, имеющая свои обособленные

мом же деле дежурили только 33 дня, в эти дни юридическая помощь была оказана 44 человекам. Пропущено было 44 дежурных дня, в которые не один десяток крестьян уходил «не солоно хлебавши».

Малочисленность обращающихся в юрбюро посетителей (44 человека) объясняется тем, что не все еще население осведомлено об организации юрбюро. Казалось бы, последующие месяцы улучшат положение. Но и здесь разочарование. Правда, активность дежурных выросла, но посещаемость населения осталась такой же. За март и апрель дежурных дней было 34, а за юрпомощью обратилось только 29.

Это объясняется тем, что юрбюро не завоевало себе авторитета среди населения, и что оно не встретило должного внимания со стороны руководящих учреждений и организаций района.

Что же касается лекций и бесед и самообразовательной работы членов юрбюро, то об этом писать нечего — этой работы совершенно не проводилось. Итак, вместо важной, общественно-культурной работы, которую намечало себе юрбюро по плану, на деле оказалось писание, и то неаккуратное, одних исковых заявлений.

— Юрбюро не работает, так, может быть, другая юридическая общественная работа ведется? — спросить читатель. Но, читателю и здесь придется разочароваться — работы, кроме таких же жалких попыток, нет.

Народный следователь решил организовать институт общественных обвинителей. Записалось около 30 человек крестьян, рабочих, служащих. Наивные... они хотели от-

дать свои силы и уметь этому важному общественному делу, но... нарследователь собрал их 2—3 раза на собрание, прочитал доклады, написал об этом протокол и... на этом работа ограничилась. Ни одного общественного обвинителя так и не увидел народный суд.

Не лучше дело обстоит и в самом народном суде. Судья взялся с осени проводить работу с нарзаседателями.

За зиму было созвано 3 собрания нарзаседателей пос. Ижморского, прочитаны доклады и на этом работа заглохла.

Достаточна ли эта работа? Можно бы сказать «да», если бы эти собрания нарзаседателей были проведены во всех селениях (их около 70), а то работа велась только в поселке Ижморском, где находится нарсуд.

Все эти недостатки могли бы быть устранены, если бы на эту работу обращалось внимание со стороны райисполкома — хозяина района. А то ведь Ижморский РИК совершенно не интересуется и не руководит этой работой. За целый год РИК не заслушал ни одного доклада нарсуда о работе.

Дальше такого бездушного формализма терпеть нельзя. Тем более сейчас, когда начинают работать примкамеры при сельсоветах — им нужна и помощь и руководство.

Пора перестать стрелять в холостую, пора прекратить вздувание пузырей.

Г. Гранитный.

Пос. Ижморский, того же района, Томского окр.

интересы, отличные от интересов государства или идущие с ними вразрез. Обособленность и автономия отдельных хозяйственных организмов есть метод управления государственным имуществом, наиболее целесообразный в условиях развитого товарного оборота¹⁾. Вследствие этого во внутренних отношениях государственного предприятия с вышестоящим органом, будь то Госплан или ВСНХ, нет и не может быть правовых начал. Здесь действует механизм планового регулирования, выражающийся в стройной системе норм административного характера^{1,2)}, и лишь на рынке, где государственные предприятия устанавливают между собою связь не в форме технического соподчинения, а в форме «сделок», «становится возможным и необходимым чисто юридический, т.е. судебный порядок урегулирования отношений». (См. Пакушуканис, у. с., стр. 80). Плановое регулирование, объектом которого является государственное предприятие, как подчиненный хозяйственный организм, не имеет юридической природы, она возникает там, где государственное предприятие подвергается планированию, как субъект гражданского права, т.е. на рынке в своих рыночных отношениях с контрагентами. Каким же образом распоряжение планирующего органа, направленное на регулирование отношений государственного товарного оборота видоизменяет содержание правовых норм ГК? Возьмем несколько характерных примеров:

¹⁾ С. П. Пакушуканис, Общая теория права и Марксизм, Изд. II, стр. 84—82.

²⁾ А. Венедиктов, Доклад в секции права Комкадемии «Правовая природа госпредприятий», журнал «Революция права» за 1928 г. № 5, стр. 72—74.

³⁾ Л. Гинцбург. Прення по докладу, там же.

С начала 24—25 операционного года в плановом порядке производится долгосрочное кредитование трестов, тесно связанное с капитальным строительством самого треста. При Промбанке был создан отдел долгосрочного кредитования, в котором сосредоточены средства для кредитования промышленности и электрохозяйства СССР³⁾. Заключение договора между кредитующим банком и кредитуемым трестом является простым засвидетельствованием уже установленных соответствующими органами отношений; в данном случае мы имеем обрщение планового акта, не юридического по своей природе, правовой формой, так как в отношениях между трестом и банком все же имеются элементы эквивалентности.

Договор как форма отношений, регулируемых планирующими учреждениями, остался, но он утратил свою универсальную природу, перестал быть прецедентом без протставленных цен. Его содержание всецело определено плановым актом и только рыночность сохраняет его юридический облик. Не менее интересны в этом отношении договоры «занаряживания». Распоряжением ВСНХ трест обязуется заключить договор подряда или поставки с органом, которому предоставлен наряд. Этот наряд устанавливается специальным соглашением ВСНХ с Наркомфином и заинтересованным ведомством. Все основные условия договора устанавливаются Комитетом государственных заказов при СТО. (Точно указывается род и количество изделий, цена, предельный срок выполнения и условия оплаты заказов). Кроме того, утверждается еще и типовой до-

³⁾ См. постановление СНК СССР от 17/III—26 г. об образовании Промбанка СССР «ОДК», см. также ст. 15 п. «о» и ст. 42 положен. о промышленности трестах.

Германский юрист о предстоящем пересмотре семейного права.

В одном из номеров «Берлинер Тагесблатт» помещена статья члена интернациональной академии сравнительного правоведения профессора Эрнста Геймана под заглавием «О будущем германского права». В этой статье автор указывает вопросы, которые подлежат разрешению в законодательном порядке в ближайшем будущем, дает оценку относящихся к ним официальных проектов и предположений и намечает пути наиболее желательного разрешения этих вопросов.

Прежде всего он высказывает одно общее пожелание: по его мнению, следует сократить количество издаваемых законов, регламентов, правил, обязательных постановлений и проч., которые носят отрывочный и случайный характер и не согласованы с общей системой германского права, покоящегося на твердой основе римского права. Предостерегая от слишком усиленной законодательной деятельности и твердо оберегая священные принципы римского права, автор тем не менее не возражает против дополнения и изменения действующих законов по отдельным вопросам.

Наиболее интересно его отношение к вопросам семейного права, одной из отраслей германского права, которая требует несомненно коренного изменения.

Как известно, германское гражданское уложение не уравнивает внебрачных детей в правах с законными. Внебрачный ребенок пользуется правами законного только в отношении матери и ее родственников. С отцом он родственными узами не связан. Отец обязан ему платить алименты, которые по соглашению сторон, утвержденным опекуном судом, могут быть заменены капитализированной суммой. Он не является законным наследником отца; после смерти последнего, обязанность платить алименты переходит к наследникам умершего, которые могут освободиться от платежей уплатой единовременной суммы, равной обя-

зательной, наследственной доле законного ребенка (ст. 1705, 1708, 1712 герман. гр. улож.). Иски об отцовстве допускаются. Отцом ребенка считается тот, кто сожительствовал с матерью в период зачатия. Право на алименты отпадает, если установлено, что мать в период зачатия жила с несколькими мужчинами (ст. 1717 гр. улож.).

Министерство юстиции Германии выработало и внесло в рейхстаг проект нового закона о внебрачных детях. Этот проект изменяет 1717 статью, и возлагает на всех лиц, с которыми мать находилась в половой связи в период зачатия, обязанность содержать ребенка до 16 лет, за солидарной друг за друга ответственностью.

В остальном проект сохраняет принципы гражданского уложения, не признающего за внебрачными детьми прав законных детей, и вносит лишь некоторые улучшения в действующее законодательство.

Автор статьи приветствует изменение 1717 статьи, он считает, что действующее законодательство неправильно разрешает вопрос, лишая ребенка права на алименты, если установлено, что мать в период зачатия жила с несколькими мужчинами. В таком случае обязанность содержания должна быть возложена по его мнению на всех предполагаемых отцов. Но почему-то автор совершенно не касается главного недостатка проекта и не высказывается по вопросу об уравнивании прав внебрачных и законных детей. Не относит ли он ограничение в правах внебрачных детей к тем твердым основам германского законодательства, которые по его мнению следует оберегать и охранять?

Дальше профессор развивает свою точку зрения по вопросу о расторжении брака. Действующее законодательство Германии затрудняет развод, допуская его только в определенных, перечисленных в законе случаях, а именно: в случае прелюбодеяния одного из супругов, покушения на жизнь супруга, жестокого обращения и безразличного поведения, злого оставления и душевной болезни. длящейся в течение не менее трех лет и исключаяющей возможность духовного общения между супругами в настоящем и будущем.

говор¹⁾. Договор занаряживания так же, как и договор долгосрочности кредитования—яркий пример подчинения хозяйственных функций треста плановому регулированию центра и вместе с тем форма отношений, стоящих на рубеже рыночного и организованного хозяйства. Не правовой по своему содержанию акт планирования принимает правовую форму вследствие неполного устранения рыночных отношений в обобщенном секторе. Договор, как правовая норма, принимает новое качество, новое содержание, социалистическую плановость и тем самым приближается к административно-техническому акту. Помимо договоров «занаряживания», механизм конвенционных и синдикатских объединений также планирует снабженческую и сбытовую деятельность трестов. Хотя формально здесь господствует начало добровольного участия трестов и синдикатов в конвенциях, добровольное и совместное установление процента сдаваемой продукции синдикату, в действительности же происходит полное подчинение сбытовой деятельности треста распоряжениям синдиката. Так, например, с 1 окт. 1927 г. все хлопчатобумажные тресты и синдицированные суконные и льняные тресты должны сдавать ВТС все 100% своей продукции²⁾.

Система генеральных и типовых договоров, квартальные планы завоза, наконец, контракция настолько ограничивают хозяйственную автономию треста, настолько подчиняют его действительность плановым рас-

¹⁾ См. Положение о Комитете государств. заказов от 27/IV—26 г. («С. З.» № 40). См. приказ НКПС №—ХМ 24—12/699 и ВСНХ СССР №—1141 ст. 17/IX—1927 г. о порядке заключения между объединениями и заводами ВСНХ и месторг. транспорта договоров на поставку металлоизделий на 1927/28 г. («Т. П. Г.» № 228).

²⁾ «С. З.» № 56, ст. 563.

поряжениям центра, что сейчас едва ли можно говорить о максимуме хозяйственной и оперативной самостоятельности, как о принципе организации хозрасчетных предприятий. Хозяйственная и правовая автономия треста отходит в тень и ведущим началом является подчинение треста плановым заданиям государства. Отсюда и изменение правовых форм, регулирующих государственный товароборот. Если в первые годы ПЭПа в рыночных отношениях общественного сектора господствовали гражданско-правовые сделки, в очень малой степени отличающиеся от гражданско-правовых сделок частного-хозяйственного сектора, то в настоящий момент появились новые своеобразные формы сделок, отличающиеся как по своему содержанию, так и по форме от сделок, предусмотренных ГК. Как мы уже показали выше, юридическая природа договоров осталась, благодаря наличию эквивалентности в отношениях между предприятиями. С исчезновением этого элемента рухнет правовая форма отношений, и в совершенно непокрытой, не завуалированной форме выступит социалистическая плановость, уже и сейчас составляющая неотъемлемую часть норм советского гражданского права. В новом гражданском кодексе указанные нами договорные отношения, основанные на плановом акте, несомненно должны найти отражение и, хотя на сегодняшний день государственные предприятия, встречаясь на рынке, устанавливают между собой связь в форме гражданско-правовых сделок, специфические особенности последних (их полная или частичная зависимость от плановой нормы, их обязательность для определенной группы контрагентов, регламентирование цен и т. д.) должны также найти свое отражение в постановлениях нового кодек-

Ни по каким иным основаниям, даже по обоюдному согласию супругов, брак не может быть расторгнут.

Эти устаревшие нормы давно осуждены жизнью и давно требуют отмены. Однако, законодательство Германии идет медленным шагом. Ныне в связи с предполагаемым пересмотром гражданского уложения наметено некоторое облегчение развода вследствие душевной болезни одного из супругов и увеличение оснований к разводу. Однако, это изменение действующего законодательства внушает автору статьи серьезные сомнения. По его мнению, брак—фундамент общественной жизни; все, что колеблет основы брака, колеблет основы государства и даже человеческой цивилизации. Поэтому он в принципе стоит за сохранение существующих законов о разводе. Он не возражает против предполагаемых облегчений только из практических соображений: на практике закон обходится и нет возможности с этим бороться. Поэтому и только в этих пределах он допускает изменение действующего законодательства.

Вот, к каким нелепым выводам приводит автора трепет перед священными основами законодательства и «человеческой цивилизации».

Не менее характерны рассуждения автора по вопросу об имущественных отношениях супругов. Действующая ныне система имущественных отношений супругов чрезвычайно сложна. Гражданское уложение различает систему законную и договорную. При отсутствии брачного договора устанавливается система так называемой общности управления. Имущество жены считается ее собственностью и делится на так называемое «внесенное» имущество и личное. Вещи, предназначенные для личного пользования жены (белье, платье, домашняя утварь) и приобретенные ее личным трудом, остаются в ее личном распоряжении. Все остальное имущество,—приданое, имущество, полученное во время брака по наследству или по акту дарения—относится к «внесенному» имуществу жены и переходит во владение и управление мужа. Муж пользуется им, извлекает из него доходы и распоряжается деньгами и прочими ценными вещами без согласия жены.

Брачным договором законная система может быть изменена и может быть установлена общность всего имущества супругов, общность имущества, приобретенного во время брака или общность движимого имущества.

Однако, и договорные системы предоставляют мужу в ущерб правам жены чрезмерно широкие права: общее имущество находится под управлением мужа, переходит в его владение и может быть в определенных случаях отчуждаемо без согласия жены. Даже это поверхностное и краткое изложение говорит о полной несостоятельности действующей системы имущественных отношений супругов. Она с начала и до конца проникнута взглядом на женщину, как на бесправную и подчиненную сторону в браке. Принципа равноправия супругов, провозглашенного в параграфе 119 германской конституции, нет и следа.

При предстоящем пересмотре германского гражданского уложения предполагается изменить законную систему и заменить ее системой общности нажитого во время брака имущества, с сохранением за женой права личной собственности на все имущество, приобретенное до брака, и с совместным пользованием и управлением обоими супругами имуществом, приобретенным во время брака.

Послушаем, что говорит по этому вопросу автор: «Я не усматриваю особой необходимости в изменении законной системы имущественных отношений супругов. Вообще, со времени признания личным имуществом жены всего приобретенного ею личным трудом, этот вопрос потерял свою остроту и интересует лишь немногих».

Одним словом, все обстоит благополучно и не требует никаких изменений. Каковы же мотивы? Опять тот же страх за «священные основы».

«Введение новой системы,—говорит автор,—означает полный пересмотр гражданского уложения» и что больше всего пугает автора,—«может в конце-концов привести и в Германии к системе раздельности имущества по англо-американскому образцу».

кса. Рассмотрим теперь виды правового регулирования в частно-хозяйственном секторе.

Закрепленная в ГК хозяйственная автономия субъектов (частных собственников) в тех специфических общественных отношениях, которые возникают в процессе товарного производства и обмена, ограничивается в своем объеме и подчиняется интересам социалистич. хозяйства. Упорядочение рыноч. отношений нормами ГК при соблюдении «предпосылок развития экономики СССР на социалистических началах» создает известную плановую устойчивость частного оборота, совершенно отсутствующую в условиях буржуазного правопорядка¹⁾.

1) Ведущие ст. ст. ГК—1 и 4, несмотря на всю расплывчатость и неясность формулировок, являлись выражением принципа подчиненности частно-правовых отношений интересам социалистического хозяйства и были хорошим оружием в борьбе за неограниченное пресечение злоупотреблений НЭП'а, но в настоящий момент эти статьи недостаточно отражают плановое регулирование рыночных отношений, как обобщенного сектора, так и частно-хозяйственного. Судебная практика показала, насколько вредной может оказаться неясная формулировка законодателя, и часто неправильное применение этих статей нарушало нормальное регулирование рыночных отношений, в котором заинтересован государственный хозяйственный план²⁾.

¹⁾ См. П. Стучка. Гражданское право и практика его применения, стр. 8.

²⁾ См. наказ ГКК Верховсуда, утвержденный Пленумом Верховсуда 22/XII—24 г., протокол 24 «Е. С. Ю.» № 51. См. также доклад о работе ГКК Верховсуда за 25 год, «Е. С. Ю.» 1927 г. № 4.

Плановое регулирование, являющееся основным качеством нашего гражданского права, проникает в частно-хозяйственный сектор еще иным путем. Развившаяся система контрактации с целым рядом норм технического характера, создающая своеобразное переплетение гражданско-правовых норм с плановым актом, система конфекционных соглашений с частными заготовителями при местных органах Наркомторга, ограничивающая свободу частных договорных отношений^{3, 4)}, являются показателем проникновения плана в частно-хозяйственный сектор путем правового регулирования, деформированного планированием. Взаимодействие плановых и правовых норм, таким образом, создает новые виды правового опосредствования рыночных отношений, которые должны войти в ГК новой редакции. Плановое регулирование, принимая юридическую форму, становится могучим фактором в борьбе за преодоление рыночной стихии—нормы ГК, проникающая элементами плановости, деформируются, приближаясь к нормам административно-технического «Общесоюзное гражданское право должно твердо установить пути и формы действия планового начала, подчинить себе и стихию свободной конкуренции». (П. Стучка, Курс Советского гражд. пр., т. I, стр. 107).

Ю. Ге.

³⁾ См. постановление ЭКОСО РСФСР от 8/IX—27 г. об условиях контрактации и оплаты крестьянских сенокосов («С. У.» № 106, ст. 717) и см. 9/II—28 г. о порядке и размерах контрактации зерновых и технических культур («С. У.» № 26, ст. 194).

⁴⁾ Постановление Наркомторга УССР от 18/VI—28 г. (Про порядок орган. конвенций) «Торг. бюлл. Наркомторга УССР» 28 г. № 66.

Страница практика.

Безнаказанность по мелким преступлениям.

Н. Лаговьер в статье «Отказ в производстве предварительного расследования» («ЕСЮ» № 34) весьма убедительно доказывает необходимость и целесообразность предоставления органам дознания и следствия права отказывать в производстве предварительного расследования, а следовательно, освобождать от судебного рассмотрения и наказания по мелким преступлениям. Его основным доводом в пользу предоставления этого права является дороговизна производства расследования и суда, не соответствующая размерам причиненного общественного вреда. В наших условиях режима экономии довод веский.

Но, поскольку наша уголовная политика строится не на принципе возмездия, а на принципе воспитания нового гражданина трудовой республики, подобные соображения вряд ли могут служить достаточным основанием для безнаказанности мелких преступлений. Какая принципиальная разница между растратой 10.000 руб., совершенной казначеем треста, и растратой в 10 рублей профуполномоченного, возмещения растрату после обнаружения таковой? Незначительность суммы растраты позволила профуполномоченному покрыть ее. Но есть ли какая-нибудь гарантия, что этот же профуполномоченный, получив в дальнейшей своей работе возможность соприкосновения с более крупными суммами, не воспользуется этим и не совершит более крупной растраты, которую он уже не сможет покрыть? А при таких условиях не лучше ли остановить, одернуть неустойчивые элементы нашего общества еще в тот момент, когда они не успели причинить крупного вреда, направить их

на путь истины и избавить общество от возможного преступления?

При такой постановке вопроса довод о дороговизне производства расследования и суда должен быть отвергнут, так как неизвестно, какое преступление предотвращено, не говоря уже о том, неопределимом моральном воздействии, которое оказывает на неустойчивые элементы общества, дознание, следствие и суд.

Однако, вопросы целесообразности расходования сил и средств органов дознания и судебно-следственного аппарата заставляют задуматься над мелкими преступлениями. По своей незначительности они требуют к себе особого внимания, особых гарантий правильного разрешения, применяемые меры воздействия обычно незначительны, так что воспитательно-исправительное воздействие их прежде всего заключается в самом факте их назначения. При таких условиях правильно было бы поставить вопрос не о безнаказанности мелких преступлений, как это отстаивает Лаговьер в п. 2 наказа к ст. 5 проекта УПК, а об упрощении производства по этим делам.

Упрощение производства в этом случае могло бы быть доведено до максимальных пределов. Если наше судопроизводство знает упрощенное рассмотрение в виде единоличных постановлений парусудьи, судебных приказов, то, учитывая незначительность выявленной социальной опасности мелкого правонарушителя, можно было бы его приравнять к нарушителям местных обязательных постановлений и предоставить право органам дознания и следствия непосредственно налагать наказания по мелким преступлениям, без передачи их в судебные органы.

Установление ответственности за всякие правонарушения, как бы незначительны они ни были, имеет большее воспитательное значение, чем проведение наказательных процессов по крупным делам.

Предоставление органам дознания и следствия права непосредственно налагать наказания за мелкие преступления в отношении целесообразного использования ими этого права и возможных злоупотреблений не представляет больших опасностей, чем предоставление тем же органам права отказывать в расследовании по мелким правонарушениям. Тем более, что при такой постановке ближайшим судебным органам можно предоставить право пересмотра в надзорном порядке постановлений органов дознания и следствия о наложении взыскания за мелкие преступления. Необходимый материал для суждения о мерах взыскания должны представлять заинтересованные в решении заявитель и преступник, которые обычно и будут обжаловать неправильные по их мнению постановления. Таким путем сохраняется наказуемость всякого правонарушения и удерживается стоимость судебно-следственных действий по мелким преступлениям, что и преследуется п. 2 наказа к ст. 5 проекта УПК.

И. Некрасов.

Хабаровск.

Плановость в работе следователей.

Работа без плана—это борьба с ветряными мельницами. Поэтому требование от нас, следователей, плановости в работе—правильное и необходимое.

На следователя, помимо непосредственной следственной работы, возложен надзор за органами дознания, а также и огромная общественная работа.

В особенности большое значение имеет общественно-политическая работа в деревне.

Разберем теперь условия работы следователя в деревне.

В волости, в которой я работаю, 75 тысяч населения, 12 районов, 8 изб-читален. 60 красных уголков. План составлен, увязан, согласован. Все, честь честью, по... Вот тут и натыкаешься на огромное «НО».

Работа в деревне начинается по сути в декабре и концом можно считать апрель—5 месяцев. По плану должен не менее одного раза в месяц побывать в каждой изб-читальне, провести там консультацию, сделать доклад, провести беседу по интересующим вопросам, проинструктировать избача и т. п.

• Это все по плану, а в действительности—12 руб. в месяц командировочных. Вот и гадаешь.

Если в этом месяце не будет ни одного убийства, значит ехать можно. Как случилось 2—3 убийства или ограбления—сиди на месте, командировочные израсходованы, перерасход не оплачивается. А как поедешь? За подводу платить-то ведь нужно, а чем?

Это одно. Далее, недавно в одном циркуляре НКЮ подробно перечислялось, кому полагается проз. и спец. одежда. О нас ни слова. Едешь в деревню—имей свой тулуп, свои валенки, а не имеешь—бегай в ВИК, милицию, в кооперацию, проси, а не дадут, езжай за 25—30 верст в осеннем пальто.

Может быть некоторые товарищи скажут «шкурничество», но ведь из своего жалования, которое сплошь и рядом меньше жалования счетовода, подводы не наймешь, тулука не купишь.

У деревенских следователей нагрузка небольшая: 5—6 дел в месяц, максимум 8 дел. Как будто бы уложиться в месячный срок можно, но что поделаешь, если кольцевая почта повестку может доставить только через две недели, да кроме этого не вернет обратного экземпляра!

Сиди и гадай, получена ли повестка? Можно ли доставить приводом?

А если и в волости 6 милиционеров на 12 районов. Вот и садишься со своим планом в лужу. Если в городе следователь связан телефоном со своими отделениями милиции, то в деревне следователь этого не имеет и шагает порой по 10—15 верст, не наймешь же подводы, когда денег нет.

Плановость нам необходима. Без плана нам работать нельзя, но нужно создать условия, которые дали бы возможность выполнять план.

Нар. следователь *Луговской.*

Взыскание алиментов с членов крестьянского двора.

Со времени введения нового брачно-семейного кодекса прошло уже несколько лет, но до сих пор при взыскании алиментов возникает много неясностей, в особенности при взыскании с крестьянского двора. Вследствие такой неясности судебные работники и работники прокуратуры часто дают органам, производящим взыскание, разноречивые разъяснения, что окончательно сбивает их с толку.

Так, например, почти все плательщики алиментов в крестьянском хозяйстве производят разделы и распределение имущества как добровольно, так и через суд. Но разделы эти и выделы производятся только для виду, фактически жить продолжают вместе. Иногда бывает и так,—плательщик алиментов выдает родителям расписку, что причитающуюся долю он получил, а сам куда-либо уезжает на отхожие промыслы, скрывая свое жительство. В результате всего этого дети присужденного им содержания не получают, а мать без всякой пользы обивает пороги: она с листом ходит из суда в милицию, из милиции к исполнителю, от исполнителя к судье обратно, т. к. частенько исполнители, пользуясь ст. 56, возвращают ей лист обратно, за обнаружением денег и продуктов. После этого, мать ребенка в слезах приходит к судье и требует защиты ее и взыскания средств на содержание ребенка.

В таких случаях взыскание приходится обращать на общее имущество двора, поскольку плательщик алиментов фактически продолжает жить в прежнем дворе. Но на этом плательщики не успокаиваются. Зная, что жалобы их принимаются везде, они шлют таковые, куда только можно, вплоть до прокурора республики, и таковые идут по линии ниже. И вот на одном из таких распоряжений надо остановиться.

Пом. прокурора Клиновского уезда, получив жалобу Хлома из Центральной прокуратуры, к жалобе прилагает свое отношение от 8/III с. г., № 119, в котором пишет начальнику Заборской волмилии:

«Возвращая при сем переписку Хлома, Сергея, разъясняю, что при взыскании вам необходимо придерживаться ст. 56 Зак. о браке, семье и опеке, т. е. взыскать только с доли ответчика. Из материала усматривается, что двор еще не разделен, поэтому необходимо выделить его часть и взыскать с таковой, но прежде чем делить имущество, вам следует сделать запрос по местожительству ответчика, который, как видно, проживает в Устимском районе, взыскания не приостанавливать».

Что хотел выразить этим отношением пом. прокурора? Какой сделать запрос—сказать трудно. Распоряжение это было сделано в день 8 марта. Казалось, что нужно было подумать об исполнении решения в пользу ребенка! А ведь при присланной переписке приложена расписка Хлома о том, что выделенную долю он получил полностью.

Каков же результат предложения прокурора? Милиция является в суд с вопросом, как ей быть и как ей начать производить раздел имущества?

По вопросу о взыскании алиментов пленумом Бурят-монгольского главсуда было вынесено постановление (протокол № 2 от 14/XI—28 г., «Суд. практика» № 3—29 г.). И действительно, в тех случаях, когда раздел произведен для вида, а члены двора продолжают фактически жить вместе, необходимо обращать взыскание на имущество всего двора. Тогда дети будут гораздо лучше обеспечены, и мытарствам матерей будет положен конец.

В заключение укажу, что ст. 56 Код. законов о браке, семье и опеке должна быть уточнена, т. к. первая часть противоречит второй. В первой части говорится: при недостаточности личных средств ответчика взыскание обращается на его долю имущества, если

ен ведет общее хозяйство. Вторая же часть указывает, что взыскание может быть обращено только на денежные суммы и продукты (и тут опять говорится о всем хозяйстве).

Статью эту понять очень трудно.

Если руководствоваться 1-й частью — взыскание нужно обратить на долю, причитающуюся плательщику алиментов. Но должны ли в данном случае соблюдаться ст. 271 ГК или нет?

Вопрос о взыскании алиментов с членов крестьянского двора требует своего скорейшего уточнения и разрешения.

Парусудья 9 уч. Клинцовского у. *В. Максименко.*
С. Заборье.

Можно ли обойтись без регистрации?

§ 3 инструкции о договорах купли-продажи и залога строений, расположенных в сельских местностях (циркуляр НКЮ, НКЗ и НКВД от 3 апреля 1928 г. № 46) как будто прост и ясен, но при применении его на практике возникает ряд вопросов, какие вынуждают спросить: «Можно ли обойтись без регистрации?».

На обязанности сельских советов лежит ведение подворных книг, что, правда, не легко, но зато дает полное отражение крестьянского двора, количества членов двора, количества и времени возведения построек. Подворная книга должна отразить всякое изменение, происшедшее в данном хозяйстве, пусть это будет хозяйство трудового сельскохозяйственного двора, или хозяйство (постройки) лиц, хотя и живущих в сельских местностях, но не ведущих сельского хозяйства. Допустим, что крестьянский двор, с согласия всех членов двора (согласия, нигде не зафиксированного) продал часть строений на снос. Продал и только. Договор написан сторонами, ими подписан. Все правильно. Постройки сданы покупщиком, а в подворной книге все остается без изменения. Можно ли обойтись без регистрации? Кажется—**НЕТ!** Рассмотренный случай показывает, что при наличии доброй воли всех участвующих в сделке лиц, при отсутствии арестов, все-таки получается неувязка, остается в подворной книге перечень построек хозяйства, которых уже не существует. В книге не отмечено, что с этими постройками сделано. А если принять во внимание, что на постройках крестьянского двора или на постройках частного лица, живущего в сельской местности, лежит арест, или постройки заложены, то возможны и злоупотребления—возможна продажа на снос. Раз регистрация не обязательна, то нет возможности оградить законные интересы кредиторов. Обращение в суд, в прокуратуру может уже не дать желательного результата—постройки будут снесены, увезены и пр. Можно ли обойтись без регистрации? **НЕТ.** К сожалению, у нас в сельских местностях еще можно встретить много старых понятий, есть у нас люди, для которых еще живо право: «чего моя нога хочет», есть случаи единовластного распоряжения «главы» семьи (в крестьянском хозяйстве) имуществом и постройками двора, что заставляет лиц, ведущих на селе правовую, в частности, нотариальную работу, задать этот вопрос—«Можно ли обойтись без регистрации» и ответить на него с определенной уверенностью: «**НЕТ,** регистрация необходима для предотвращения возможных злоупотреблений».

Нотариус *А. Горачев.*

Егорьевск, Московской губ.

Слияние протеста векселей с исполнительной надписью.

Исполнительные надписи на векселях учиняются после протеста на всех обязанных по векселю лиц, по требованию векселедержателя или на лиц, указанных таковым. Таким образом, против векселедателя, не оплатившего векселя в срок, совершаются два действия:

1) Протест векселя, т.е. удостоверение факта неплатежа, связанный исключительно с опороживанием

его кредитоспособности, закрытием кредитов в соответствующих кредитных учреждениях и прекращением приема к учету его векселей. Конечно, акт протеста для лица, участвующего в торговом обороте, означает коммерческую смерть лишением кредитов, независимо от последующей оплаты векселей и вытеснения его из гражданского оборота. Вексель—орудие кредита и, стало быть, правовой акт протеста исключительно связан с кредитной дисциплиной и еще не есть акт о банкротстве. Случайный протест, т.е. протест по вине векселедателя, связан с необходимостью снятия такого путем восстановления своей кредитоспособности через учетный комитет Гос. банка, при чем должно быть документально доказано, что невыполнение в срок долгового обязательства является недоразумением.

2) Дальше, в случае неплатежа по протестованному векселю против лиц, обязанных, т.е. векселедателя и бланконадписателей, учиняется исполнительная надпись в течение 6-месячного срока со дня наступления срока векселя против векселедателя и протеста против бланконадписателей для принудительного взыскания. Стало быть, учинение исполнительной надписи влечет за собой иные правовые последствия, как акт, дающий право на принудительное взыскание.

До сих пор предложения слить надпись о протесте векселя с исполнительной надписью, не имели успеха, ибо учитывались следующие соображения:

а) Из поступающих к протесту векселей протестуется исключительно 25—30%, а три льготных дня, в силу ст. 12 Полож. о векс., оплаты векселей у нотариуса, предусмотрены для возможных денежных затруднений у векселедателя, оплата в течение которых еще не дает права на подрыв коммерческой репутации.

б) Из общего количества протестованных векселей исполнительные надписи учиняются на 25%, остальные 75% оплачиваются без принудительного взыскания.

Таким образом, совершенно очевидно, что громадная масса протестованных векселей обходится без принудительного взыскания и оплачивается обязанными лицами.

в) При предъявлении векселей к протесту нотариальные конторы взимают сборы вперед, независимо от того, будет ли вексель протестован или нет. При учинении исполнительных надписей также взимаются сборы. Спрашивается, если произойдет слияние надписи о протесте с исполнительной надписью при неизвестности того, будут ли протестованы векселя или нет и потребуются ли принудительное взыскание,—может ли контора взимать сборы вперед и дает ли это какое-либо упрощение? Слить надпись о протесте с исполнительной—технически вещь возможная, но возможно ли «технически» слить сборы? Не страдают ли от этого исключительно интересы фиска, ибо сборы придется уменьшить и незаконно будет взимать их с лиц, оплачивающих векселя без принудительного взыскания и допустивших векселя к протесту в силу временных материальных затруднений? Предлагают возвращать сборы. Но будет ли это отвечать требованиям рационализации? Конечно нет, так как подобная система подрвет вексельную дисциплину и вытеснит таковые из оборота. Можно ли при таких условиях проводить «рационализацию», тяжесть которой почувствуют учреждения—участники торгового оборота? С вытеснением частной торговли из гражданского оборота и усилением социалистического сектора следует ли подобное бремя перекладывать на плечи государственных и кооперативных организаций?

г) Учинение исполнительных надписей требует внимательного отношения, ибо таковая может быть учинена отнюдь не против всех обязанных лиц, а какой-либо штамп и трафарет заставит лиц, приводящих в исполнение судебные решения, входить в рассмотрение вопросов, не подлежащих их компетенции, и только осложнит работу по взысканию. Так напр., лица сделавшие надписи на обороте векселя, благодаря его обращаемости, устраняют себя от ответственности по той надписью. Да и в конце концов надписи на обороте векселя по своему характеру различны, одни из них создают права и обязанности, связанные с юридическими последствиями, другие, как напр., инкассовые, являются простой вексельной доверенностью, не созда-

вая никаких прав в отношении лиц, их учинивших и, наконец, существуют поручительные надписи. Все это говорит за необходимость сохранить надписи о протесте, наряду с неполнительной, т. е. сохранить прежний порядок, ибо этот порядок есть единственный, при котором не страдает ни фиск, ни заинтересованные лица и учреждения.

Нотариус В. Самсонов.

Ленинград.

На местах.

НЕОБХОДИМА РЕШИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА¹⁾

Я хочу рассказать о характерном деле, возникшем в столице Дальне-Восточного края—Хабаровске. На больших стройках Дальбанка, Госбанка и Далькрайсовпархоза занято значительное число китайских рабочих. Без всяких к тому оснований некоторая часть обывателей и в частности некоторые работающие на этих стройках (преимущественно мелкая администрация, десятники) стали относиться к этим китайским рабочим самым грубым и безобразным образом. Кроме «ходи» и «фазапа» другого имени для китайцев не было (дело доходило до избиваний). Такое обращение с рабочими-китайцами вошло в обычай. Частенько приходилось слышать и такую агитацию: «Россия для русских», «Всех китайцев надо гнать в Китай, они отбивают у нас хлеб», «Вы еще весь Китай перевезете к нам и нам будете давать работу, а нам, что делать». Все эти лица агитировали среди русских рабочих, натравливая их на китайцев. Одним словом создавалась обстановка полного произвола для русских и полного беспаравья для китайцев.

Дело об этом произволе, по ст. 59⁷ УК, перешло в Хабаровский окрсуд. Он скажет по этому делу свое веское слово.

Этот факт из жизни Дальнего востока я привел для того, чтобы показать, что по существу мы имеем дело

о подлинной контрреволюцией. Мы должны обратить самое серьезное внимание на эти явления и поставить во весь рост вопрос о борьбе судебными репрессиями с проявлениями национально-враждебности.

В нашем УК имеется лишь одна 59⁷ ст., которая говорит о преступлениях, возникающих на национальной почве, но эта статья имеет в виду случаи «пропаганды или агитации, направленной к возбуждению национальной розни». Таких дел, однако, возникает очень немного. У нас в частности на Дальнем Востоке, имеются дела другого рода, не заключающие в себе ни агитации, ни пропаганды, но возникающие на национальной почве. Я приведу несколько примеров.

Местный хабаровский домовладелец, на почве ссоры со своим квартирантом евреем, поймал на улице его сынишку, затащил его в овраг и безобразно остриг. У нас квалифицировали это преступление по ст. 74 УК. Или вот второй случай. Один местный обыватель систематически издевался над китайцем, называл его «хольдой» и «фазаном». Дело по жалобе потерпевшего перешло в суд с квалификацией содеянного по ч. 1 ст. 153 УК. Подобных примеров можно привести много. На первый взгляд ничего особенного в этих преступлениях нет. Обычное хулиганство и простое оскорбление личности. По-моему, такой взгляд на эти преступления совершенно неверен. Если внимательно присмотреться к этим обычным преступлениям, то обнаружится, что это далеко не простое хулиганство и оскорбление, а по существу подлинная контрреволюция. Действия эти не менее опасны, чем действия, предусмотренные 59⁷ ст. УК. Однако нашим УК они не предусмотрены. Я считаю, что в наш УК необходимо ввести специальную статью с соответствующей жесткой репрессией, которая предусматривала бы издевательства над представителями национальных меньшинств. Борьба с такими преступлениями, которые совершаются нашими классовыми врагами, нужно жесткой репрессией заключением в изолятор на длительный срок.

Н. М.—лев.

Хабаровск.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 92 и 93;

Циркуляр № 92.

КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ, ОКРУЖНЫМ И ГУБЕРНСКИМ ПРОКУРОРАМ.

Объявляется для сведения и руководства постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 мая 1929 года. По п. 6 настоящего постановления дано разъяснение цирк. № 74 от 29/V—29 г. («ЕСЮ» № 22—29 г.) об усилении ответственности должностных лиц за невыполнение закона об обеспечении семей призванных, которым надлежит руководствоваться.

За Прокурора Республики Траскович.

3 июля 1929 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Ознакомившись с работой центральных и местных органов власти по выполнению Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих рабоче-крестьянской Красной армии и их семей, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Констатировать, что на местах работа по проведению в жизнь Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей поставлена неудовлетворительно, в частности: отсутствует учет контингентов, имеющих право на льготы и преимущества; предоставление льгот производится не в полном объеме (незаконные отказы, суживание льгот против требований Кодекса и т. д.); наблюдается наличие недопустимой волокиты при предоставлении этих льгот.

¹⁾ Редакция обращает на изложенное особое внимание прокуратуры.

2. Предложить всем народным комиссариатам РСФСР, ЦИКам АССР и исполкомам автономных областей, а также краевым, областным, окружным и районным исполнительным комитетам:

а) принять меры к устранению отмеченных недостатков, обратив внимание на необходимость своевременного и полного выполнения Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей;

б) обеспечить безусловное соблюдение сроков, установленных для рассмотрения жалоб и заявлений красноармейцев ст. 10 инструкции по осуществлению защиты правового и имущественного положения красноармейцев и их семей (Собр. Узак. 1925 г. № 64, ст. 519);

в) принять все необходимые меры к популяризации Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей среди широких масс населения, в особенности среди семей лиц, призванных и подлежащих призыву в ряды РККА;

г) при инструктировании местных органов власти уделять особое внимание их работе по проведению в жизнь Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей.

3. Поручить народным комиссариатам социального обеспечения, финансов, земледелия и труда РСФСР выделить лицо, на которое возложить руководство и ответственность за работу по выполнению Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей.

4. Возложить руководство и ответственность за работу по выполнению Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей на местах на одного из членов президиума соответствующего исполнительного комитета.

5. Предложить Народному Комиссариату Рабоче-Крестьянской Инспекции установить в центре и на местах на-

блюденне и контроль за правильным и своевременным выполнением Кодекса законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и их семей со стороны ведомств и местных исполнительных комитетов.

6. Предложить Народному Комиссариату Юстиции РСФСР неуклонно привлекать к ответственности должностных лиц, виновных в невыполнении Кодекса, а равно создавать волокиты при разрешении поступающих от военнослужащих и их семей жалоб и заявлений.

7. Предложить СНК РСФСР издать к 15 июля 1929 г. постановление, предусматривающее упрощенный порядок предоставления льгот и преимуществ военнослужащим и их семьям, и рассмотреть вопросы о возможных мерах увеличения объема и улучшения качества помощи, оказываемой по линии Центрального Комитета Крестьянских Обществ Взаимопомощи, о мерах поднятия квалификации увольняемых в долгосрочный отпуск красноармейцев и об организации учета реально оказанных военнослужащим и их семьям льгот.

Председатель ВНИК М. Капнин.
Секретарь ВЦИК А. Киселев.

27 мая 1929 г.

Циркуляр № 93.

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ, ОКРУЖНЫМ И ГУБЕРНСКИМ ПРОКУРОРАМ.

Копии: прокурорам автономных республик.

Уважаемые товарищи!

Наиболее слабым местом нашего уголовного судопроизводства является постановка дела предварительного расследования. Именно в этой стадии процесса имеется наибольшее число существенных дефектов и именно по причине крайне слабого предварительного расследования в суды поступают для разбора по существу плохо проработанные и недоброкачественные материалы. Отсюда — громадное число дел, прекращенных до суда и высокий процент оправдательных приговоров. Без преувеличения можно утверждать, что вина за то, что наш судебный аппарат в значительной части своей деятельности работает в холостую — лежит на предварительном расследовании. На дефектах предварительного расследования останавливалось обследование судебной следственной сети, произведенное НК РКИ, и в целях изживания этих дефектов проверено подчинение всего следственного аппарата прокуратуре, на которую ныне возлагается вся ответственность за постановку дела предварительного расследования.

3-е совещание прокурорского надзора приняло очень детализированную и конкретную резолюцию по вопросу о работе органов расследования и надзора за ними («ЕСЮ» 1928 г. № 14). Эта резолюция содержит указания на целый ряд определенных мер к устранению основных дефектов следственного производства и содержащиеся в ней основные предложения имеют обязательную силу для местных прокуратур и следственного аппарата (резолюция утверждена коллегией НКЮ).

Принятый на VI съезде работников юстиции проект Уголовно-Процессуального Кодекса содержит ряд ценных положений, регламентирующих построение и ход предварительного расследования уголовных дел и эти положения, как уже доказавшие свою целесообразность на практике, постановлением Коллегии Народного Комиссариата Юстиции от 22 мая 1929 г., введены в действие до оформления проекта Уголовно-Процессуального Кодекса в законодательном порядке (циркуляр НКЮ № 81 от 4 июня 1929 г.).

Все изложенное выше говорит за то, что вопрос об улучшении дела предварительного расследования является актуальнейшим вопросом рационализации всей следственной работы. Однако, следует признать, что пока в этом направлении сделано очень мало. Некоторый сдвиг, намечившийся в результате устранения двойного подчинения следственного аппарата и передачи последнего прокуратуре — не может рассматриваться как серьезное реальное достижение, на котором можно успокоиться. Следствие сейчас идет чуть лучше, чем до передачи следственного аппарата прокуратуре (нет тех многоступенчатых следствий, той безобразной расхлябанности, которые раньше встречались сплошь да рядом), новые условия работы следственного аппарата и новые задачи, возложенные на органы юстиции в связи с переживаемым нашим союзом политическим моментом, требуют от работы следственного

аппарата исключительной четкости, гибкости и быстроты, так как только при этих условиях может успешно осуществляться задача борьбы с преступностью. Повторяем — в этой области достигнуто еще очень мало и на вопросах правильного постановления дела расследования преступления и изживания существующих дефектов НКЮ считает необходимым ныне сосредоточить внимание местных прокуроров.

I. Формальные моменты предварительного расследования.

Наш уголовный процесс во всех своих стадиях заполнен целым рядом различных формальностей, наибольшее число которых, пожалуй, приходится на долю предварительного расследования. Эти формальности различны — выполнение разных постановлений, составление мотивировок, формы ведения протоколов и проч. Каково же значение и каков предел допущения этих формальностей? Существует среди многих судебных работников точка зрения, что все эти формальности излишни. Это, конечно, неверно — ряд формальностей в уголовном процессе (и, главным образом, в стадии предварительного расследования) нужны для того, чтобы объединять и регулировать следственную практику, чтобы правильно и точно оформлять и фиксировать обстоятельства существа дела и гарантировать права участвующих в деле лиц (обвиняемого и потерпевшего). Если формальности служат этим моментам существа дела — они необходимы и полезны; однако, множество формальностей в нашем УПК этим целям не служат; превращаются в какую-то самоцель и, загружая процесс, не помогают, а мешают расследованиям, отвлекая внимание следователя, отнимая его время и силы и пряча живое существо дела под кучей чисто формальных актов, постановлений и пр. Сейчас можно констатировать неминуемую перегрузку предварительного следствия формальными моментами в ущерб существу дела — поэтому НКЮ считает необходимым самым решительным образом восстановить нормальное соотношение элементов процесса и жестко урезать чисто формальные требования, тем самым расширив возможность для следователя и прокурора заниматься существом расследуемого дела.

Эти меры сводятся к следующему:

1) по действующему УПК расследуемое дело лицо на протяжении предварительного расследования обязано составить целый ряд формальных постановлений — о возбуждении уголовного преследования, о принятии дела к своему производству, о признании потерпевшего гражданским истцом, о назначении экспертизы, об избрании меры пресечения и проч. До сих пор эти постановления составлялись в виде отдельных документов, подчас очень длинных и сложных; но по существу очень трафаретных. Впредь предлагается эти постановления, как правило, выполнять в виде кратких резолюций на соответствующих документах.

В соответствии с этим возбуждение уголовного преследования и принятие дела к производству должно оформляться в виде резолюции милиционера, или следователя, или прокурора на поступившей жалобе, заявлении или петиции: «возбудить уголовное преследование по такой-то статье УК», конечно, когда есть для этого основания.

Формальное вынесение отдельных постановлений должно быть сохранено лишь в следующих случаях: а) при предъявлении обвинения и б) при избрании меры пресечения содержания под стражей.

Сохранение этих постановлений диктуется необходимостью ввести в строго определенное русло привлечение граждан в качестве обвиняемых и заключение под стражу в стадии предварительного расследования, так как постановление ВЦИК и СНК от 26/III—28 г. по докладу Наркомюста констатирует крайнюю легкость, с какой органы расследования предъявляют обвинения, не имея для этого достаточных данных, не говоря уже о злоупотреблении содержанием под стражей в качестве меры пресечения. По этим двум моментам каждый раз должно составляться мотивированное постановление, содержащее указания на то, кто именно и в чем конкретно обвиняется, и, если избрано содержание под стражей — по каким мотивам расследуемое дело лицо сочло необходимым остановить именно на этой мере пресечения.

Что касается до постановлений, оформляющих окончание расследования, то здесь должен быть соблюден порядок, установленный ст.ст. 55, 56, 57, 60 проекта УПК, введенными в действие постановлением Коллегии НКЮ от 22/V—29 г., причем по делам, поступающим к следователю

для предания суду из органов дознания (п. 3 ст. 105 УПК), следователь должен составлять указанное в ст. 224 УПК постановление лишь в случаях признания им неудовлетворительности составленного органами дознания постановления или заключения; во всех же остальных случаях следователь своей резолюцией утверждает эти постановления или заключения.

2) Значительную часть следственного производства составляют многочисленные протоколы допросов следователей. Однако, практика показывает, что большинство этих протоколов не имеют никакой ценности для позднее разбираемого дела суда; допрашиваемые в качестве свидетелей лица очень часто либо ничего не знают по делу, либо дают несущественные показания и среди них тонут и теряются показания, действительно существенные и решающие дело. Эти, не имеющие для дела значения, показания тем не менее очень подробно, подчас дословно, записываются в формальных протоколах допросов, составление которых, отняв у следователя или агента дознания очень много времени, ничем расследованию дела не помогают, а лишь тормозят его.

Следует ввести правило, что показания свидетелей, не устанавливающие по делу ничего существенного, в протокол подробно не заносятся, а в протоколе делается короткая отметка относительно основного содержания этих показаний (напр., «свидетель по делу ничего не знает», «свидетель утверждает, что обвиняемый хорошего поведения» и проч.). Лишь показания тех свидетелей должны записываться подробно, которые устанавливают существенные моменты дела (картина преступления, причастность или непричастность обвиняемого, смягчающие или отягчающие обстоятельства), относительно же всех прочих свидетелей можно ограничиться указанными выше отметками (за подписью свидетелей). Однако, в это правило следует ввести ограничение такого рода—в случае требования обвиняемого, потерпевшего или самого свидетеля—показания свидетеля должны записываться подробно, какого бы мнения о существенности этих показаний не придерживался следователь.

3) Приведенные в предыдущем пункте предложения о сокращении записей свидетельских показаний относятся ко всем следственным делам и дознаниям. Относительно же дел мелких, несложных и ясных, по которым обвиняемому по соответствующей статье Уголовного Кодекса не угрожает лишение свободы—можно пойти и на дальнейшее упрощение.

Здесь, прежде всего следует устранить существующую ныне практику обязательной подробной записи показаний заявителя о преступлении, несмотря на то, что последний изложил подробно все, что знал в своем заявлении: достаточно, если агент дознания или следователь отметит, что допрошенный в качестве свидетеля заявитель (обычно потерпевший—жалобчик) свое заявление подтвердил. Если же заявление неполно или неясно—в протоколе допроса следует фиксировать дополнения и уточнения этого заявления, но не подробный пересказ всего его содержания, как это принято сейчас.

Далее следует выделить дела, по которым предварительное расследование вообще является излишним. Это те дела, которые в самый же момент их возникновения являются настолько ясными, а круг доказательственного материала по ним—настолько определенным и бесспорным, что нет никакой надобности что-либо расследовать до суда, каковой сам, по первоисточнику, сможет решить дело. Сюда относятся дела, по которым преступник пойман с поличным или уличен в самый же момент совершения преступления (напр., поимка вора на месте кражи, задержание хулигана в момент учинения хулиганской выходки, бытовые убийства и проч.) и ряд дел, по которым имеется сознание совершившего преступление лица.

В этих случаях орган расследования составляет протокол, оформляющий событие преступления (поимка, задержание), указывает в нем лиц, которые при этом присутствовали и смогут быть свидетелями и этот протокол направляет непосредственно в суд.

II. Методическая сторона предварительного расследования.

Приведенные выше меры к упрощению процесса расследования должны сочетаться с улучшением самой методики расследования, с тем чтобы более гибкий и более быстрый процесс вместе с тем обеспечивал бы и полноту и всесторонность расследования.

В этом отношении надлежит установить следующие положения:

1. По уголовным делам сплошь да рядом происходит дублирование процесса расследования: сперва дознание, а потом следствие проделывают одну и ту же работу по одному и тому же делу; например, агент дознания допрашивает свидетелей, а потом когда дело перешло к следователю, последний всех этих свидетелей передопрашивает. Подобное дублирование расследования—для дела по существу ненужное и лишь осложняющее и затягивающее расследование—должно быть изжито в соответствии с взятой сейчас установкой на создание единого процесса расследования, в котором агент дознания, следователь и прокурор являются тесно связанными друг с другом звеньями одной и той же цепи. Нормальным должно считаться такое положение, когда каждое лицо в процессе предварительного расследования допрашивается лишь один раз; передпрос же должен допускаться лишь как исключение, в случаях, когда в процессе расследования выявляются новые обстоятельства, о которых ранее допрошенное по делу лицо не дало показаний или дало их недостаточно полно, а равно в порядке восполнения следователем пробелов расследования, допущенных органами дознания. В связи с этим стоит другое требование, чтобы вызываемое к допросу лицо допрашивалось исчерпывающе полно и тем самым по существу устранялась бы необходимость его вторичного вызова и допроса.

Параллелизм расследовательских действий особенно часто наблюдался по делам о должностных и хозяйственных преступлениях, по которым экспертиза (бухгалтерская, хозяйственная) сплошь и рядом дублирует ранее произведенную ревизию, тем самым сильно осложняя и затягивая дело: очень часто ревизионная комиссия детально обследует деятельность того или иного учреждения, по акту ревизии возбуждается уголовное дело, а затем, в виду тех или иных неясностей акта ревизии, следователь назначает бухгалтерскую или хозяйственную экспертизу, каковая заново производит обревизирование учреждения, т.е. повторяет проделанную работу. Следует раз навсегда изжить такое смешение функций ревизии и экспертизы, установив следующее положение: а) экспертиза дает заключение лишь по точно определенным вопросам и б) свое заключение эксперты дают на основании анализа самого акта ревизии и тех следственных материалов, которые к нему относятся; переобследование же самого учреждения, что уже проделала ревизия, к функциям эксперта относиться не должно.

2. Основной дефект существующего порядка расследования с его методической стороны—это бесплановость и беспорядочность. По множеству проходящих через Центральную Прокуратуру уголовных дел усматривается, что расследование идет без всякой четкой установки, без всякой определенной линии: следователь вызывает и допрашивает тех свидетелей, которые к нему почему-либо попали в поле зрения, приобщает к делу документы, которые к нему доставляют ревизионные органы, обвиняемый и потерпевший. В результате—дело на $\frac{3}{4}$ загружается протоколами допросов совершенно ненужных свидетелей и ничего по делу не разъясняющими документами. Наоборот, свидетели существенные и документы к делу прямо относящиеся,—сплошь да рядом либо к делу не привлекаются, либо тонут среди груд совершенно ничемных материалов и бумаг.

Для избежания подобного явления следует всемерно стремиться к введению плановости в предварительное расследование и в процессе такового тщательно прорабатывать систему выяснения дела в его основных и существенных моментах, вызывая лишь действительно нужных свидетелей и приобщая к делу действительно нужные материалы. Здесь нельзя дать никаких более конкретных указаний—решающее значение имеют конкретные обстоятельства каждого отдельного дела,—но установка должна быть взята на целесообразное ведение дела, на целевой характер каждого отдельного, хотя и незначительного следственного действия. В следственной практике иногда встречаются случаи, когда следователи по каждому следственному делу составляют формальный план; ясно, что такой порядок является карикатурой на плановость,—здесь план является не органическим началом расследовательского процесса, а какой то мертвой схемой, убивающей живое следовательское чутье и инициативу и игнорирующей все своеобразие и все необходимые противоречия конкретных уголовных дел. Не формальный план, а конкретная ориентировочная

программа постоянно изменяемая и перестраиваемая, в зависимости от хода следствия и должна быть руководящим методическим принципом следствия, но в пределах этой программы каждый шаг следствия должен быть тщательно продуман с точки зрения общей целевой установки следствия—полно и объективно раскрыть существо уголовного дела, выявить действительное преступление и причастных к нему лиц.

3. Следует устранить наблюдающееся ныне чрезмерное, неоправдываемое соображениями целесообразности, расширение объема и рамок расследования, когда органы расследования считают необходимым расследовать все мелочи и детали, не имеющие существенного значения для оценки степени социальной опасности преступления и преступника. С этой точки зрения ничем не оправдывается, например, затягивание следствия расследованием вопроса о растрате нескольких сот и даже тысяч рублей, когда вполне расследована и выяснена основная растрата; нецелесообразно далее расследование мелких краж, когда расследовано бандитское нападение, учиненное тем же лицом. Иными словами, расследование следует сосредотачивать на основном и главном, что является решающим для выяснения социально-опасного явления, мелочи же по обстоятельствам дела, не являющиеся существенными, следует отбрасывать.

4. В соответствии с приведенными выше тремя положениями о методической стороне расследования следует несколько перестроить положение, роль и функции наблюдающегося за следствием прокурора. Прежнее положение прокурора в качестве «наблюдателя» за следствием, главным образом, за его формальными моментами (сроки, содержание под стражей и пр.) должно измениться, прежде всего, потому, что подчинение следствия прокуратуре возлагает на последнюю всю ответственность за существование расследования, а не только за его формальную правомерность. Сейчас прокурор по следствию является по существу главным следователем, а следователи—ближайшими помощниками этого прокурора. Поэтому прокурор должен активно руководить следствием, быть в курсе главных следственных дел, обеспечивать полноту и правильность расследования. Основным методом наблюдения прокурора за следствием должно явиться личное ознакомление прокурора с отдельными следственными делами (а не только по

докладу следователя) и проверка следственных действий с точки зрения их целесообразности. В целях приближения прокурора к работе следователя—должно быть введено правило, что наблюдающий за следствием прокурор сам обязан лично проводить расследование отдельных дел: при настоящем положении следственного дела наблюдать за следствием может лишь тот прокурор, который хорошо знаком со следственной работой и сам является хорошим следователем. Если по техническим условиям этого положения еще нельзя ввести в уездах и в районах, то в губернских, окружных и краевых (областных) камерах его проведение должно считаться обязательным.

В настоящем письме отнюдь не исчерпаны все необходимые меры по рационализации предварительного расследования уголовных дел,—здесь указаны лишь те меры, относительно которых имеется достаточно данных о их целесообразности и практической применимости. В этом направлении работа должна вестись и дальше и ее успешность может быть обеспечена лишь в том случае, если к этой работе будут привлечены основные массы нашего судебно-следственного актива. Бесспорно, что рационализация следствия не может быть лишь декретирована сверху, без участия практических работников периферии.

Вместе с тем, все предлагаемые в настоящем письме меры могут дать полезный результат лишь при непрременном условии обдуманного и осторожного к ним отношения; в противном случае, вместо пользы получится вред и проектируемое упрощение процесса повлечет резкое ухудшение качества расследования.

Поэтому НКЮ предлагает все мероприятия настоящего письма тщательно проработать на совещаниях с Вашими камерными помощниками с вызовом хотя бы некоторых уездных (районных) прокуроров и с обязательным участием представителей органов расследования.

Все иные предложения о рационализации уголовного процесса, относительно которых у местных работников имеются данные о их практической полезности,—направляйте в Прокуратуру Республики.

Народный комиссар юстиции Янсон.

5 июля 1929 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция просит всех авторов присылать статьи написанными на одной стороне листа на машинке или, в случае затруднительности печатания на машинке, четко написанными от руки чернилами.

Статьи, напечатанные на машинке, должны быть перепечатаны через два интервала. В последнее время из-за экономии бумаги многие статьи присылаются напечатанными через один интервал и с оборо-

пом. Но это обстоятельство в действительности приносит не экономию, а удорожает производство, так как (из-за необходимости редактирования статей, а, с другой стороны, в виду преобладания шпифграфий, которые отказываются набирать статьи, напечатанные через один интервал и не на одной стороне листа) Редакция вынуждена перепечатывать эти материалы у себя.